МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 4 (19), 2019

Тверь 2019

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2019. № 4 (19). 88 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования
(адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 4 (19), 2019

Редактор Ю.А. Якушева
Корректор С.В. Борисов
Технический редактор Ю.Ф. Воробьева

Подписано в печать 16.12.2019		
Дата выхода в свет 30.12.2019		
Формат 60x84 1/8	Свободная цена	Бумага писчая
Физ. п. л. 11	Усл. п. л. 10,23	Уч.-изд. л. 5,22
Тираж 500 экз.	Заказ № 332	С – 88

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
Адрес издателя: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22
Отпечатано в ООО «Наукоемкие технологии»
Центр инженерной печати
170024, г. Тверь, ул. Академическая, д. 14

© Тверской государственный
технический университет, 2019

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ 5

Потамская В.П. Философия Х. Уайта: проблема репрезентации Холокоста 5

Клинкова Д.А. «Умная толпа» как форма групповой активности в условиях цифровизации социальной реальности 15

Золотов А.А., Мартюшов В.Ф., Михайлова Е.Е. Преподавание философии иностранным студентам: интеркультурный аспект 20

Занегина Н.В. К истории заключения брака: «возвращение домой» 26

Мартюшов В.Ф., Верпатова О.Ю. Особенности управления процессом социокультурной адаптации иностранных студентов 33

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ 43

Чечурова Ю.Ю. Особенности адаптации военнослужащих к режиму несения срочной службы 43

Лавриков С.В. Влияние природно-климатических условий на трудовую психологию русского крестьянства 51

Филиппченкова С.И., Ковалева А.И. Психоэмоциональное состояние и мотивационная сфера современных старшеклассников: опыт исследования 56

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ 61

Артемьев А.А., Кохно П.А., Лепехин И.А. Коммерциализация инноваций: суть и проблемы 61

Лазарева О.С., Лазарев О.Е. Земельные ресурсы как особенный объект управления 69

Лазарева О.С., Зайцева Е.А. Управление муниципальной недвижимостью: проблемы признания недвижимого имущества бесхозяйным 75

Пузырев Н.М., Лебедев В.В., Барбашинова Н.Б. Актуальные задачи подготовки бакалавров и магистров по техносферной безопасности с учетом требований профессиональных стандартов 80

Правила представления статей для публикации в журнале 86

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT 5

Potamskaya V.P. H. White's philosophy: the problem of representation of Holocaust 5

Klinkova D.A. «Smart crowd» as a form of group activity under digitalization of social reality 15

Zolotov A.A., Martyushov V.F., Mikhailova E.E. Philosophy teaching for foreign students: intercultural aspect 20

Zanegina N.V. To the history of marriage: «return home» 26

Martyushov V.F., Verpatova O.Yu. Features of management of process of adaptation of foreign students 33

PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE 43

Chechurova Yu.Yu. Features of adaptation of military servants to the mode of carrying the urgent service 43

Lavrikov S.V. Influence of natural and climatic conditions on the labor psychology of the russian peasantry 51

Filippchenkova S.I., Kovaleva A.I. Psychological status and motivational sphere of modern seniors: experience of research 56

PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT 61

Artemyev A.A., Kokhno P.A., Lépehin I.A. Commercialization of innovation: the bottom line 61

Lazareva O.S., Lazarev O.E. Regional land resources as an economic object of management 69

Lazareva O.S., Zaitseva E.A. Management of municipal real estate: the problem of recognising real property vacant 75

Puzyrev N.M., Lebedev V.V., Barbashinova N.B. Actual tasks of preparation of bachelors and masters in technospheric security, taking into account the requirements of professional standards 80

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 5–14

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ Х. УАЙТА: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХОЛОКОСТА*

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Потамская В.П., 2019

Х. Уайт рассматривает проблемы повествования в истории, предлагая риторический подход к нарративу. Уделяя значительное внимание проблематике травмы и Холокоста, он рассуждает об определенной степени ограниченности нарративных репрезентаций подобных явлений.

Ключевые слова: *нарратив, риторика, Холокост, травма.*

Понимание истории как текста, проблемы повествования и его создания исследовались одним из наиболее известных представителей риторического подхода к историческому нарративу – Х. Уайтом. Соглашаясь с Н. Фраем относительно того, что история является вербальной моделью последовательности событий, внешней по отношению к разуму историка, он создает новую философию истории на основе постренессансной риторической теории – теории тропов и фигур. Тропологическое прочтение, ассоциируемое с риторикой, позволяет выявить доминирующий троп в нарративе, а затем продемонстрировать, каким образом лингвистические средства формируют структуру мысли. Историческое повествование, таким образом, обладает всеми классическими риторическими элементами и методами (такими как создание аргументов, организация дискурса и формирование истинных утверждений). История, рассмотренная с этой точки зрения, в силу недоступности прошлого не имеет ни окончательного объекта исследования, ни универсальных методов исследования. Как отмечает К. Дженкинс, исторический дискурс Х. Уайта относится к сфере риторики и непосредственным образом связан со способностью аргументирования. Цели истории также риторические: она нацелена на то, чтобы «исследовать действительные и очевидные средства убеждения» [4].

Размышляя над условиями возможности научного познания прошлого, а именно тем фактом, что прошлые события, процессы, институты, люди и вещи более не воспринимаются и не могут быть непосредственно познаны, Х. Уайт приходит к выводу, что профессиональные историки ограничивают себя в выводах относительно

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047-ОГН.

прошлого, создавая фрагментарную картину, требующую художественной доработки. Рассказывание историй, которое впоследствии стало называться историей, возникло в том виде культурной практики, который позднее стал именоваться литературой. Хотя в течение последних двух столетий история пыталась стать «научной» и стремилась очистить себя от литературного и риторического происхождения, нельзя говорить о том, что она полностью преуспела в подобном мероприятии [8, p. 12]. Отношения между историей и литературой в «практическом прошлом» Х. Уайт предпочитает рассматривать как отношения между двумя жанрами письменного дискурса – историографии (исторической прозы, письма об «истории») и художественного литературного письма. «Историография – это жанр письма, который относится к категории художественного прозаического дискурса» [8, p. 12].

Существуют различные типы нарратива и объяснения, исходящие из вида согласованности, которыми наделяются события, располагаемые в соответствии с определенной структурой сюжета [6, p. 65]. Другими словами, нарративные точки зрения объясняют реальные события, приводя их в соответствие определенному типу сюжета: эпическому, комическому, трагическому, фарсу и др. Этот тип взаимосвязи задается посредством техники создания сюжета. По словам Х. Уайта, современные историки трактуют нарратив как некий нейтральный контейнер или форму, в которой факты, обнаруженные в исследованиях, могут быть представлены без существенного воздействия на содержание. Продолжая линию аргументации, изложенную в работе «Содержание формы» [7], он указывает, что нарратив (как и любой дискурсивный жанр) следует рассматривать как «содержимое» само по себе. «Мы можем рассмотреть нарратив как форму вербальной выразительности, определяемую конкретными средствами, техниками и типами отбора, которые порождают «историю» и определяют конкретную семантизацию, различимую в диапазоне сюжетов. Повествовательный акт, изложенный в «трагическом» типе, содержит в себе ряд средств или маркеров, распознаваемых как принадлежащие к сюжетному типу «трагедии». Их проецирование на конкретную совокупность событий, действий или процессов наделяют значение «трагическим», а не тем, что порождено каким-то другим сюжетом, таким как комедия или роман» [8, p. 93].

Значительное внимание в рамках «практического прошлого» Х. Уайт уделяет проблематике травмы и Холокоста, рассуждая об определенной степени ограниченности нарративных репрезентаций. Осуществляя рефлексию относительно прошлого, он вводит две категории анализа, ранее им не концептуализированные, – «историческое прошлое» и «практическое прошлое». «Историческое прошлое» признается как история, созданная профессиональными историками, которые решают, что является «надлежащим историческим» и о чем можно рассказать фактическую

историю. Разделяя идеи М. Оушкотта, Х. Уайт указывает, что «историческое прошлое» является конструкцией, крайне избирательной версией прошлого, понимаемой как совокупность всех событий и субъектов, когда-то существовавших, но исчезнувших и не оставивших свидетельства своего существования. Другими словами, «историческое прошлое» следует отличать от прошлого как такового, т. е. постоянно трансформирующейся тотальности, частью которой является историческое прошлое, существующее в исследованиях, предназначенных скорее для научного сообщества, нежели для широкой публики.

Иным образом функционирует «практическое прошлое». Х. Уайт также возводит концепцию «практического прошлого» к поздним работам политического философа М. Оукшотта. При этом термин «практический» понимается образом, сходным сформулированному И. Кантом в «Критике практического разума» этическому вопросу «что я должен делать?». Любые попытки решить данный вопрос подразумевают под собой обращение к прошлому, которое как возможный источник практических знаний не является и не может быть «историческим прошлым», доступным только в книгах, посвященных истории. Именно это прошлое, а не историческое, требует нарратива, который связывает настоящее человека или сообщества с экзистенциальным настоящим, в котором содержится суждение и решение вопроса «что я должен делать?» [8, p. 75–76]. Интерес к «практическому прошлому» выводит за пределы области фактического, как оно понимается в историологическом мышлении. Это допущение приводит к мысли о том, что факт должен конструироваться и идентифицироваться относительно его логической оппозиции вымыслу, понимаемому как воображаемая вещь или продукт воображения. Однако вымысел Х. Уайт понимает в духе И. Бентама, а именно как своего рода конструкцию, основанную на гипотезе, а не манеру письма или мышления относительно воображаемой или фантастической целостности [8]. Вымысел – это реконструкция или предположение о том, «что, вероятно, произошло» или может произойти в определенное время и в определенном месте (в настоящем, в прошлом или даже в будущем).

Х. Уайт отмечает, что «практическое прошлое» вполне поддается литературному, художественному или поэтическому осмыслению, грань между фактическим и вымышленным дискурсом при этом размывается. Другими словами, «практическое прошлое» образовано теми историями, которые оказались неприменимыми в рамках профессиональной историографии по причине их «вымышленности». Следовательно, «практическое прошлое» находится в ведении литературного письма. «Идея литературного письма позволяет не только использовать идею «поэтического» в техническом и аналитическом смысле, но и относиться к вымыслу как разновидности «литературы» [8]. Примером использования

практического прошлого в качестве основного референта является литературный модернизм, фокусирующийся на тех аспектах реального прошлого, с которым «историческое прошлое» дел не имеет. Другими примерами жанров, соотносящихся с формами обращения с «практическим прошлым», являются биография, автобиография, свидетельская литература, модернистский и постмодернистский исторический роман: представление о «настроении» или атмосфере в Европе после Холокоста в «Аустерлице» В.Г. Зебальда или послевоенного Ньюарка, штат Нью-Джерси, в «Американской пасторали» Ф. Рота «историчны», будучи скорее воображаемыми, нежели выстроенными в соответствии с историческими источниками. Однако ни одна из вышеперечисленных работ не может в полной мере считаться вымыслом, хотя все они написаны в художественной манере. Их референтом является история, и они представляют собой прекрасные примеры использования практического прошлого.

Проблема Холокоста в западной исторической науке подразумевает под собой следующие аспекты: какова его идентичность как конкретно «исторического» события и каким образом Холокост может быть вписан в нормативное описание европейской истории и ассимилирован с этой историей. В то же время представление о Холокосте как уникальном явлении несет в себе потенциальную возможность радикального пересмотра европейской истории. «Крайность» и «уникальность» Холокоста поднимают важнейшие вопросы относительно теоретических предпосылок, истории, методологии, используемых современными профессиональными историками в их стремлениях познать историческое прошлое, а также касательно техник, применяемых для представления исторической реальности в дискурсах [8, p. 25–26].

Одной из ключевых проблем является нарративизация Холокоста. Д. ЛаКапра вслед за У. Сантнером указывает на господство нарративного фетишизма относительно феномена травмы, к которой, несомненно, относятся события Холокоста. Нарративный фетишизм подразумевает под собой конструирование и развертывание повествования в целях нивелирования следов травмы или утраты. В границах нарративного фетишизма на первый план выходят именно нарратив и его конституирование как целостности. Нарративный фетишизм включает в себя неспособность или отказ скорбеть о травмирующих событиях, повторение неотрефлексированного травматического опыта, который замещается набором речевых артефактов. Это, скорее, реализация попытки свести проработку травмы к истории травмы, т. е. к повествованию об утрате и потере. У. Сантнер противопоставляет нарративный фетишизм и скорбь, указывая, что «работа скорби – это процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в символически и диалогически опосредованных

дозах...; процесс, включающий в себя определенным образом ритуализированную связь между языком и молчанием» [2, с. 392]. Д. ЛаКапра не столь категоричен относительно данной проблемы. По его мнению, тексты содержат мощный перформативный потенциал для читателя и автора. Диалог с прошлым необходимо вести, используя разные стратегии и теоретические модели: и психоанализ, и идеи нарративного поворота, и эстетическую теорию с ее интересом к возвышенному, поскольку не существует универсального способа познания прошлого [5].

Б. Ланг советует отказаться от любых попыток нарративизировать Холокост; он предлагает оставлять сообщения о нем на уровне хроники, простого перечисления фактов в порядке их появления в соответствии с буквальным прочтением документальной записи. Для Б. Ланга создание истории и повествований на основе событий Холокоста является примером фигурации, в которой превалируют эстетические фантазии. Подобная эстетическая трактовка Холокоста, по его мнению, подчиняет правду факта эгоистической реализации художественных техник, а также неоднозначным эффектам риторической или поэтической фигурации. По мнению Х. Уайта, проблему репрезентации Холокоста не следует концептуализировать в терминах традиционных представлений о реализме, истории, репрезентации, эстетике, художественной литературе, идеологии, дискурсе, рассказывании историй [8, p. 27–28]. Подобные события имеют отношение к судьбам жертв нацистов, страданиям этих жертв и разрушениям, которым подверглась их психика. Масштабы, природа и исключительность подобного страдания делают его «сакральным событием, под которым подразумевается событие, которое не допускает “репрезентации” и даже в меньшей степени “интерпретации”» [8, p. 82]. Следовательно, любые попытки репрезентации событий Холокоста как нарратива с началом, серединой, окончанием, т. е. сюжетом, и определенной моралью, из которой возможно извлечь уроки, искажает тот факт, что преследование и массовое уничтожение нацистами евреев является гораздо более сложным для понимания, чем любой традиционный вид истории, и подразумевает под собой фундаментальную этическую проблему. Вопрос «может ли Холокост быть нарративизирован?» связан с обсуждениями философами природы нарратива как своего рода «объяснения» событий и исчезновением традиционных форм нарративизации в модернистской литературе [8, p. 91–92]. Как отмечал К. Гемпель, исторические нарративы в лучшем случае являются отрывочными, косвенными и неполными объяснениями. К. Поппер пришел к выводу, что историки вполне могут рассказывать истории о прошлом, поскольку история не может быть объектом научного анализа. Поэтому стремление создать устойчивый нарратив, посвященный комплексному событию типа Холокоста, является опасным желанием, так как в результате этого Холокост станет открыт для всех возможных видов

интерпретации. Конечно, возможно изучение этого события с исторических позиций, «не предполагающее написания целостной и правдивой истории, первоначально скрытой в документальных записях и обломках Второй мировой войны» [8]. Подобное историческое изучение подразумевает под собой стремление охарактеризовать произошедшее, выявить причины и последствия в определенном историческом контексте. Но при этом, как подчеркивает Х. Уайт, историки не должны стремиться написать нарративизированное изложение самого процесса изменений.

Одним из примеров возможного описания событий Холокоста является работа С. Фридлендера «Годы истребления: нацистская Германия и евреи, 1939–1945 гг.». Хотя С. Фридлендер провозглашает ее как великое нарративное сообщение о Холокосте, он проводит модернистское разграничение между наррацией и нарративизацией, которого придерживается и Х. Уайт. Следует разграничить наррацию (акт речи, высказывание, дикцию), нарратив («провозглашенный»; «то, что сказано») и нарративизацию («что сказано в речи», композиция, наложение сюжетной формы на серию реальных событий). Наррация связана с голосом, тоном и типом высказывания, предполагаемой степенью владения анализируемыми вопросами, авторитетом говорящего. Продуктом данного речевого процесса является нарратив, сущность которого также модальна, поскольку нарратив предполагает особый тип отношения к тому, о чем говорится, или к референту дискурса. Нарративизация является продуктом воплощения в конкретном сюжетном типе событий с целью придания им особой ценности – познавательной, моральной, идеологической, религиозной и т. д. Не всякая наррация является нарративизацией [8, p. 83].

По мнению Х. Уайта, С. Фридлендеру удалось создать наррацию, посвященную Холокосту, посредством использования методов изложения, свойственных для модернистского романа; он создал тем самым новую историографическую возможность, проявляющуюся в применении не нарративизации, а повествования. Израильский историк предпочитает избегать играть роль всезнающего рассказчика, отказываясь от управления сюжетной линией; он, скорее, собирает сообщения о том, что произошло [8, p. 84–85].

В контексте «практического прошлого» Х. Уайта интересует следующее: уместно ли задавать вопрос «правда ли это или нет?» при наличии особого типа дискурса, в котором литература свидетелей является парадигмой, а модернистская трактовка Холокоста выступает в качестве возможного примера. По Х. Уайту, дискурс Холокоста затрагивает не только подобный вопрос, но и включает в себя реальную историю или исторические трактовки рассматриваемого события, дающие определенные ответы на различные вопросы. Теоретический вопрос «что я вижу перед собой?» относится к тому же дискурсу, что и ответ в форме набора фактов, который дополняет утверждение «то, что вы видите перед собой, – это

Холокост, геноцид, истребление и подобные преступления». Но поскольку теоретический вопрос «что это?» относится к тому же дискурсу, что и ответ «это X», мы не можем правомерно указать какую угодно историю Холокоста, написанную любым историком, в качестве примера правильного и должного обращения с подобным явлением [8, p. 28–29]. Поэтому наиболее подходящим является сочетание вопросов, связанных с фактами («что это?», «что он сделал?») и моралью («какова его «природа», его «сущность», его «субстанция», относительно которых возможно говорить об уместности или самоподобии движений, желаний, суждений, действий?» и т. д.) [8, p. 29–30]. Следовательно, ни в одном из случаев вопрос «правда ли это?» не является верным ответом на высказывания подобного рода. Дискурс Холокоста заходит в тупик, поскольку он не является ответом на простое декларативное предложение, которое философы обычно воспринимают как модель утверждений, претендующих на правдивость. «Заявления, сделанные в форме вопросов (“где кот?”), желаний (“будь у меня кошка”), даже императивов (“найди кота!”), вряд ли отвечают на вопрос “правда ли это?”» [8, p. 31–32].

По Х. Уайту, существует более одного способа «рассказать правду о прошлом». Как исторический роман, так и новеллистская история являются примерами недекларативных дискурсов. Их возможная истинность заключается не столько в том, что они утверждают определенный способ фактического говорения правды, а в том, что они осуществляют коннотацию другими приемами, тонами и модуляциями. Следовательно, предпочтительные способы изложения Холокоста подразумевают под собой обращение к модернизму, исследующему глубины подобных исторических событий аналогично психоанализу, который изучает глубины психики; модернизм действительно изменяет отношения между событием и его контекстом через стирание грани между ними. Это приводит к созданию нового способа литературного письма, в котором грань между фактическим и вымышленным дискурсами является размытой [8, p. 57]. Сущность этого нового вида события заложена в идее травмы. В настоящее время изучение травмы является одной из наиболее значительных и в то же время противоречивых областей в психоанализе, истории, критической теории. Травма всегда играет ключевую роль в исследовании свидетельств выживших в геноцидах, чрезвычайных ситуациях. По Ф. Анкерсмиту, трагические события западной истории предопределяют весь исторический дискурс европейской культуры из-за неспособности сознания абсорбировать опыт внутри истории [1]. Отождествляя возвышенный исторический опыт с травмой, Ф. Анкерсмит рассуждает в рамках фрейдистского подхода и рассматривает травму как неспособность пережить или ассимилировать травматический опыт, включив его в историю [1, с. 482–483]. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры также

неразрывно связана с категорией травмы. При этом восприятие травмы варьируется в зависимости от точки зрения субъекта и контекста, в котором она была нанесена. Задача историка – объяснение того, каким образом трансисторический травматический опыт вписан в конкретный исторический и какую роль играет травма в ходе человеческого развития, как индивидуального, так и коллективного. Травма, с точки зрения Д. ЛаКапры, представляет собой своего рода сокрушительный опыт, искажающий память и делающий ее уязвимой и ошибочной [3].

Термин «травматический» изначально употреблялся в медицине, где понятие травмы используется для обозначения раны и последующего формирования шрама (следа), физического и психического, вызванного проникновением. Применительно к области истории термин «травма» подразумевает под собой нечто вроде мощного удара, нанесенного социальной или политической системе. Этот «удар» требует определенных приспособления, адаптации или реакции, которые должен осуществить любой организм, чтобы выжить [8, p. 58]. В рамках психоанализа термины «травма» и «травматический» применяются (в первую очередь метафорически) для обозначения шока организма; этот шок оказывает соматический и/или психический эффект «развязывания», «пробуждая» что-либо, ранее находившееся в состоянии равновесия, и вызывая невротические или психопатические состояния (такие как паранойя, истерия, одержимость), приводящие к дисфункциям организма. Данная физикалистская концепция травмы, по Х. Уайту, никоим образом не отличается от историологического аналога, в котором травматическое историческое событие рассматривается как существенное нарушение исторической и социальной системы, погружающее институты, практики и убеждения в смятение и приводящее к типу группового поведения, сходного истерии, паранойе, фетишизму и т. п.

Следует отметить, что в рамках психоанализа позднее была разработана иная концепция травмы, предполагающая явно исторический элемент. Эта концепция включила в себя элемент «запоздания», понимаемого как (временно) отсроченное воздействие на организм. Этот эффект поразительно похож на то, что в историологии принято рассматривать как конкретно историческую связь между прошлым и настоящим. «Теперь Фрейд характеризовал психическое измерение травмы как не только внезапный и разрушительный шок для организма, но и как то, что оставило в психике некоторых типов людей своеобразное место, лишенное смысла, до тех пор, пока под давлением более позднего события, сходного по аспекту с первоначальным опытом вторжения, это место не будет внезапно оживлено и не нанесет травму организму, фактически раня его дважды» [8, p. 58–59]. В модели фигурирование – осуществление значимое историческое событие будет идентифицироваться по его

появлению: первый раз – как указание на возможность значения, а второй раз – как заполнение или выполнение того, что ранее было только неявным. Теологические модели подобного рода хорошо известны: замещение Исаака барашком в жертве Авраама является предвосхищением закона Моисея, которое оканчивает произошедшее; падение Адама, которое завершается в Светлом Христовом Воскресении и т. д. Секуляризованный эквивалент подобной модели в историологической теории был бы чем-то вроде утверждения, что отдаленной причиной Французской революции была Реформация. Однако это не телеологическая идея исторической причинности. Никто не мог предсказать начало Французской революции на основании того, что было известно о Реформации. Только после того, как произошла Революция, стало очевидно, что Реформация сделала возможным [8, p. 59].

Итак, Х. Уайт отмечал лингвистическую обусловленность исторических репрезентаций и рассматривал историю как вербальную повествовательную структуру. Придерживаясь конструктивистской позиции, он стремился представить описание сложных взаимосвязей между тем, что называется исторической реальностью (прошлым), историческим письмом и вымыслом. Проводя разграничение между наррацией, нарративом и нарративизацией, Х. Уайт отмечает, что простое повествование, применяемое традиционными историками, не отдает должное наличию огромной массы свидетельской литературы, поскольку историк должен задавать фактологический по сути вопрос «это правда?». Более того, стремление нарративизировать Холокост, т. е. представить его знакомым, наделенным атрибутами мифологического, религиозного или литературного дискурса, является затруднительным. При подобной нарративизации события репрезентируются как соответствующие определенному типу сюжета, например трагедии, комедии, мелодраме, фарсу и так далее, в целях их типологизации, прикрепления ярлыка и отправления их в архив для дальнейшего изучения, поскольку они уже произошли и более не имеют для нас никакого значения, кроме как простой информации. По Х. Уайту, существует более чем один способ рассказать правду о прошлом, а как исторический роман, так и новеллистская история являются примерами недекларативных дискурсов. Их возможная истинность заключается не столько в том, что они утверждают определенный способ фактического говорения правды, а в том, что они осуществляют коннотацию другими способами, тонами и модуляциями. Предпочтительные способы изложения Холокоста подразумевают под собой обращение к литературному модернизму, исследующему глубины подобных исторических событий.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 389–407.
3. Goldberg A. An interview with Professor Dominick LaCapra [Electronic resource]. URL: http://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%203648.pdf (date of accessed: 04.05.2018).
4. Jenkins K. «Nobody Does It Better»: Radical History and Hayden White Philosophy of History After Hayden White [Electronic resource]. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13642520701838827 (date of accessed: 10.04.2019).
5. LaCapra D. History and memory after Auschwitz. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 232 p.
6. White H. Storytelling: Historical and Ideological [Electronic resource]. URL: http://Faculty2.ric.edu/rfeldstein/521_fall_08_files/storytellinghistoricalandideological.pdf (date of accessed: 07.03.2016).
7. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.
8. White H. The Practical Past. Evanston: Northwestern University Press, 2014. 118 p.

H. WHITE'S PHILOSOPHY: THE PROBLEM OF REPRESENTATION OF HOLOCAUST

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

H. White examines the problems of narration in history, proposing a rhetorical approach to narrative. Paying considerable attention to the problems of trauma and the Holocaust, he discusses a certain limitation of narrative representations of such phenomena.

Keywords: *narrative, rhetoric, Holocaust, trauma.*

Об авторе:

Потамская Вера Павловна – кандидат философских наук старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

Potamskaya Vera Pavlovna – PhD, Senior Lecturer of Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 15–19

УДК 101.1:316

«УМНАЯ ТОЛПА» КАК ФОРМА ГРУППОВОЙ АКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д.А. Клинкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Клинкова Д.А., 2019

Анализируется позитивная роль «умной толпы», активно проявляющаяся в условиях цифровизации социальной реальности. Являясь специфической формой социальной коммуникации, флешмоб представляет собой неразрушительный способ протеста против стереотипности мышления, излишней упорядоченности социальных отношений. Добровольность, самовыражение, сопричастность становятся важными критериями коммуникативных потребностей участников флешмоба. Социальная технология краудсорсинга позволяет сформировать сообщество профессионалов, не обладающее формальным институциональным признанием, но владеющее определенными компетенциями, позволяющими решать поставленные задачи. Делается вывод о том, что самоорганизация, конструирование, солидарность «умных толп» становятся важными способами создания социокультурного пространства в условиях цифровизации социальной реальности.

Ключевые слова: *социальная реальность, цифровизация социальной реальности, социальные действия, флешмоб, «умная толпа», краудсорсинг, социальные сети, социальная технология.*

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневности. Цифровизация социальной реальности радикально меняет как поведение человека, так и систему социальных практик в различных сферах деятельности. В рамках концепции открытого правительства и электронного государства появляются новые формы взаимодействия общества и государства, например виртуальные приемные, виртуальные кабинеты, интернет-выборы. В экономической сфере виртуализация и цифровизация социальной реальности выражены в виде электронных кошельков, интернет-магазинов, виртуальных банков и т. п. В сфере образования появляются услуги нового стандарта, например открытые университеты мира, онлайн-образование. М. Кастельс отмечает, что революция в информационных технологиях является «отправным пунктом в анализе сложностей становления новой экономики, общества и культуры» [3, с. 28].

Трансформация социальной реальности, происходящая под влиянием цифровизации сетевого общества, обнаруживает себя в группировании и перегруппировании социальных институтов. Сетевые формы самоорганизации (как виртуальные, так и реальные) становятся частью нашей жизни. «Социальные поля-сети пронизывают друг друга и разнонаправленно охватывают социальную реальность» [1, с. 76]. Самоорганизация и

конструирование в офлайн- и онлайн-среде оказываются главными способами созидания социальной реальности.

Именно сетевые технологии сегодня являются движущей силой социальных процессов. С помощью новейших медиаинструментов происходит вовлечение масс в разнообразные социальные коммуникации, подталкивающие к определенным социальным действиям.

Социальные сети становятся той частью медийного пространства, в которой формируется система ценностей и потребностей человека. Сетевые формы самоорганизации оказывают прямое влияние на современные коммуникации.

Электронные медиа, обуславливающие мозаичный принцип восприятия мира, основанный на аудиовизуальной образности, и вмещающие в себя игру со смыслом и пространством, способствовали появлению новой формы цифровой солидарности аудитории в режиме «здесь и сейчас» – флешмоба («мгновенная толпа»). Стремление объединения людей в «мгновенную толпу» может быть вызвано рядом причин: распространением средств массовой коммуникации, растущей урбанизацией общества, культурой потребления, глобализационными процессами. Все перечисленное способствует разъединению индивидов, отсюда проистекают попытки изобрести новые технологии интеграции для общения друг с другом.

Иррациональность массового поведения, поведения толп на протяжении XIX в. описывалась в работах З. Фрейда, Г. Лебона, Г. Тарда, С. Московичи, Х. Ортеги-и-Гассета, утверждающих, что толпа неуправляема, глупа и неспособна к рефлексии. Об управляемой и регулируемой толпе заговорили лишь в XX в. С возникновением цифровых социально-коммуникативных технологий взаимодействие людей, различных по своему социальному положению, статусу, возрасту, стало носить консолидирующий рациональный характер. Одним из первых на этот феномен обратил внимание Г. Рейнгольд, заявивший об «умной толпе» как толпе, созданной для выполнения рационального действия [7]. По его мнению, «умная толпа» (smart mob) представляет собой социальную организацию, способную за минимальное количество времени собрать для рационального действия неограниченное количество пользователей.

Г. Рейнгольд делает предположение о новых возможностях самоорганизации и возникновении неожиданных сообществ, состоящих из незнакомых друг с другом людей. Основанное на идее какого-либо совместного действия чувство общности становится важной потребностью человека, стремящегося доказать смысл своего существования, заявить о себе через объединение с другими. Эффект «мгновенной толпы» связан с неожиданностью и высоким эмоциональным воздействием. Особенности социальной технологии флешмоба заключаются в следующем: толпа не

преследует никаких целей, кроме как самовыражения участников; толпа имеет анонимного организатора; участники не должны общаться между собой; господствуют творческая уникальность, новизна, секретность; главными являются внезапные начало и окончание действия.

Флешмоб называют «глотком свежего воздуха в высоко контролируемом и предсказуемом обществе» [8], намеренно разрушающем обыденное восприятие реальности.

Попытки классифицировать флеш- и смартмобы по различным критериям предпринимают как российские, так и зарубежные исследователи. Рассматривая смартмобы по целям проведения и формам участия, авторы выделяют классический тип, целями которого являются удивление и шокирование; игровой, где целью становится массовое совместное действие, характерное для танцевальных смартмобов; политический, направленный на сохранение, изменение или разрушение системы власти; девиантный, целями которого являются объединение и действие совместной разрушительной силы; личный, цель которого – сделать приятное какому-либо человеку; коммуникативный, целью которого является обмен идеями, творческими решениями, успешной деятельностью; социальный, который способствует привлечению внимания властей и заинтересованных людей к проблеме [2, с. 100–102].

Являясь новой формой групповой активности, «умная толпа» формирует цифровую солидарность; эта толпа способна быстро образовывать новые социальные связи. Такая солидарность проявляется в различных сферах (от маркетинговых до политических коммуникаций). При умелом использовании флешмоб может послужить мощным средством убеждающей коммуникации и оказать влияние на социальную, экономическую и политическую реальность. Таким образом, флешмоб можно назвать одним из способов выражения общественного мнения, отличающимся от демонстраций и митингов.

Феномен «мудрой толпы» описал в своем труде «Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство» Дж. Шуровьески [6]. Во время исследования «мудрой толпы» он выделил ее основные особенности: многообразие мнений, независимость участников, децентрализацию, агрегирование. Проявление мудрости группового взаимодействия является, как считает исследователь, естественным: «… Поскольку люди – продукт эволюции, то можно предположить, что нам изначально даны потрясающие способности для познания окружающего мира» [6, с. 28]

Использование интеллектуальных, временных и творческих ресурсов умной толпы для решения каких-либо задач, предполагающих включение потенциала социальных сетей, позволяет социальная технология краудсорсинга (от crowd – «толпа»). Автор термина «краудсорсинг» –

американский журналист Дж. Хау – рассматривал толпу как сообщество пользователей глобальной сети и утверждал: «… Как бы ни было велико число добровольцев, с удовольствием принимающих участие в конкурсах, главное здесь не деньги. Главный стимул – вызвать к себе уважение или, выражаясь современным языком, речь идет о зарождающейся экономике репутации, когда люди делают ту или иную работу в надежде получить признание коллег – будь то художники, ученые или компьютерные хакеры». [5, с. 9]. Зарождение концепции краудсорсинга Дж. Хау связывает с именем программиста К. Томпсона, который во время работы над системой Linux разбивал ее на модули и отдавал их множеству программистов для разработки новых идей. Примером успешного применения данной технологии является проект Wikipedia.

Б.Б. Славин дает следующее определение феномену краудсорсинга: «Краудсорсинг – это технология привлечения всего населения к решению общезначимых и творческих задач, включая контроль над деятельностью бизнеса и органов власти, на основе энтузиазма, добровольности и равноправного доступа к информации и участию» [4, с. 208].

Создание краудсорсинговых площадок позволяет сформировать сообщество людей, заинтересованных в реализации различных проектов. Обращение к данной технологии современных организаций становится более актуальным с появлением Big Data, поскольку позволяет использовать массовое вовлечение интернет-пользователей в определенную область деятельности, например в сбор данных. Привлечение ресурсов социальных, профессиональных сетей и корпоративных информационных систем для решения проектных задач позволяет организациям сократить время поиска устранения проблемы, выстраивать стратегии развития.

Скорость развития технических средств сегодня опережает процесс осмысливания их влияния на социальную реальность. Использование позитивного потенциала «умной толпы» уже сказывается на различных сферах человеческой деятельности. Однако нельзя не учитывать непредсказуемость влияния толп на социальные и политические процессы, поскольку новые формы групповой активности применяются не только для участия в обычных общественных событиях, но и в акциях, приводящих к серьезным и долгосрочным политическим изменениям.

Библиографический список

1. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
2. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Смартмоб: социально-философский анализ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 96–107. DOI: 10.18721/JHSS.8410

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Славин Б.Б. Эпоха коллективного разума: о роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека: монография. М.: ЛЕНАНД, 2013. 320 с.
5. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012. 350 с.
6. Шуровьески Дж. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: И.Д. Вильямс, 2007. 304 с.
7. Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, 2002. 266 p.
8. Walker R.A. Fill/Flash/Memory: A History of FlashMobs // Text and Performance Quart. 2013. No 33 (2). P. 115–132. DOI: 10.1080/10462937.2013.764002

«SMART CROWD» AS A FORM OF GROUP ACTIVITY UNDER DIGITALIZATION OF SOCIAL REALITY

D.A. Klinkova

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the positive role of the «smart crowd», which is actively manifested in the digitalization of social reality. Being a specific form of social communication, a flash mob is a non-destructive form of protest aimed at stereotyping of thinking, excessive ordering of social relations. Volunteerism, self-expression, ownership become important criteria for the communicative needs of flash mob participants. The social technology of crowdsourcing allows you to form a community of professionals who do not have formal institutional recognition, but have certain competencies that allow you to solve problems. It is concluded that self-organization, construction, and solidarity of «smart crowds» are becoming important ways of creating a sociocultural space in the context of digitalization of social reality.

Keywords: *social reality, digitalization of social reality, social actions, flash mob, smart crowd, crowdsourcing, social networks, social technology.*

Об авторе:

Клинкова Диана Анатольевна – кандидат философских наук доцент кафедры медиатехнологий и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 3013-5650. E-mail: diana_klinkova@mail.ru

Author information:

Klinkova Diana Anatolyevna – PhD, Assoc. Professor of Dept. of Media Technologies and Social Communication, Tver State Technical University, Tver. SPIN-code: 3013-5650. E-mail: diana_klinkova@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 20–26

УДК 14:378.62

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ: ИНТЕРКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

А.А. Золотов, В.Ф. Мартюшов, Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Золотов А.А., Мартюшов В.Ф., Михайлова Е.Е., 2019

Поднимается вопрос о том, какие трудности испытывает сегодня преподаватель философии, какие задачи он должен ставить перед собой в противоречивых условиях высшего образования. Для наглядности выбран понятийно-семантический аспект преподавания дисциплины «Философия» иностранным студентам. Преподаватель философии и иностранный студент рассматриваются как посредники между разными культурными парадигмами. Преподаватель выступает носителем идей западно-европейской философии, а иностранный студент – хранителем восточной ментальности. Выдвигается суждение о том, что иностранный студент является субъектом интеркультурного семантического пространства, следовательно, преподаватель философии может использовать различные языковые приемы для объяснения наиболее сложных философских понятий, а также психологические средства для сбалансированного взаимодействия в ситуации учебной неопределенности и диалога культур.

Ключевые слова: *культура, диалог культур, интеркультура, философия, преподаватель философии, иностранный студент.*

Понятие «интеркультурность» вошло в семантический арсенал исследователей с конца XX в. в результате коллизий самоопределения западно-европейской философии по отношению к иным, неевропейским, стилям мысли. Интеркультурность стала ответом на конструктивную критику европоцентричной философии, теряющей свою актуальность. В отличие от понятия «межкультурные коммуникации», отражающего горизонтальные связи, интеркультурность подчеркивает внутренние связи и множественность семантических пластов – лингвистического (знание нескольких языков), интеллектуального (освоение одной культурой понятий другой), ценностно-нормативного (имеющиеся традиции, нормы, духовные практики) и других компонентов. По мнению исследователей, интеркультурность проявляет себя во взаимном обогащающем обмене мнениями и в артикуляции краеугольных понятий одной культуры средствами другой [6, с. 371].

Гуманистические тенденции современных модернизирующихся обществ проявляются в тесном взаимодействии разных культурных парадигм. Процесс обучения иностранных студентов (или, как это принято сегодня называть, образовательная миграция [7]) является одним из частных случаев проявления диалога Запада и Востока. Вузовский преподаватель

философии по определению становится участником этого диалога, поскольку в его аудитории обучаются иностранные студенты.

Специфика преподавания философии волнует и преподавателей, и теоретиков. В частности, в фокус внимания исследователей попадают вопросы, связанные с обучением в России студентов из стран СНГ, Индии, Китая, Ближнего и Среднего Востока [3; 4; 9].

В данной статье поднимается вопрос о сложностях преподавания философии иностранным студентам с восточной ментальностью. Преподавание философии рассматривается как особая форма культурного диалога, в которой участники, изучая Другого, обогащают себя. Понятие «другой» в данном случае выступает как критерий собственного бытия. П.С. Гуревич говорит, что человек никогда не найдет всей полноты своего бытия только в самом себе. Все гораздо глубже: бытие хрупко, оно зависит от душевной и умственной отзывчивости. «Услышать голос! … Далекий, возможно неслышный. Но такой нужный лично мне, как весть иного равноправного сознания… Ощутить посторонний голос как особую точку зрения на мир и на самого себя, как бытие другого человека» [2, с. 122–124].

Философия в российских университетах, загнанная в учебные рамки одного семестра, даже у русскоязычных студентов вызывает огромные трудности, так как перенасыщена в плане содержания массой сложных терминов и образов. Например, три метафоры, использованные Сократом, – «овод», «повитуха» и «эклектический скат» – вызывают немало затруднений даже у русских студентов. Здесь требуется не только высокий уровень абстрактного мышления, но и художественный вкус [8]. На этом фоне нетрудно понять, как сложно студенту с восточной ментальностью усваивать принципы рациональной европейской философии. Возникающий у студента когнитивный диссонанс усиливается еще и двумя факторами: знанием русского языка на уровне Learning и, как правило, малой степенью начитанности.

Проведенное социологами исследование показало, что большинство студентов факультета международного академического сотрудничества (ФМАС) ТвГТУ, по их собственному признанию, не читают книг на русском языке, стараются искать в сети учебную и художественную литературу на привычном для них языке (как правило, на английском). Такой выбор, по мнению студентов, обусловлен двумя обстоятельствами: недостаточным знанием русского языка для беспрепятственного чтения книг русских писателей и нежеланием тратить много времени на вынужденный перевод [7, с. 54].

Сфокусируем внимание на преподавании философии студентам из африканских стран. Этому есть объяснение. Как известно, колониальный период истории стран Африки при всем его антигуманном характере и множестве негативных последствий привел к парадоксу – жители

африканского континента с их знанием сразу нескольких языков стали носителями интеркультурного мировоззрения, т. е. они освоили каноны западного дискурса, но остались верны традициям национальной культуры. «Использование иностранных языков в незападном философском дискурсе уже показывает, что здесь не скрыть интеркультурное наследство», – отмечают исследователи [4, с. 64]. На лингвистическом уровне студент вынужденно пребывает в западном дискурсивном пространстве и неосознанно остается верным своему родному языку (отметим, что верен он и традициям восточных духовных практик в целом). Как быть российскому преподавателю философии в этих обстоятельствах? Одним из реальных способов взаимодействия видится стратегия налаживания повседневного диалога, в котором гармонично сочетались бы традиции западного эпистемологического мышления и восточной мудрости, имеющей в большой степени прикладной характер. Для начала полезно простое общение, в ходе которого можно узнать друг друга. Важные шаги – поговорить с каждым иностранным студентом (тем более, что их в учебной группе не так много); спросить, из какой страны он приехал, на каком языке обучался в школе, какой язык является родным в его семье, на каком языке принято разговаривать в студенческом общежитии.

Несколько фрагментов из бесед с иностранными студентами о том, на каком языке и в каких ситуациях они говорят, создают общую атмосферу семантической эмпатии молодого человека.

Даниэль К., магистрант ЭЛЭ.ЭС 19.12, рассказывает, что приехал учиться в Россию из города Чингола в центральной Замбии; государственный язык его страны – английский, соответственно, в школе он учился на английском языке; в его семье разговаривают на двух местных языках – бемба и нянджа; в общежитии с соседями узбеками он поддерживает беседу по-русски, с португальцами – по-испански. Говорит, что непонятные термины сначала переводит на английский и только после этого осваивает их «русский» смысл.

Куинче Ч., студент АТПП 18.02, рассказывает, что приехал учиться в Россию из города Яунде – столицы Камеруна; в его стране два государственных языка – французский и английский, соответственно, он их хорошо знает; в школе он учился на французском языке, в семье у них разговаривают на двух языках (на французском и на местном языке нгеба); русский язык он учил на семимесячных подготовительных курсах; в общежитии с другими студентами разговаривает на русском языке.

Мбуло Ч. и *Тембо К.*, студентки ПВ 18-08, рассказывают, что приехали учиться в Россию из города Лусака – столицы Замбии; государственный язык их страны – английский; в школе они обучались на английском языке; в своих семьях разговаривают на двух местных языках – бемба и нянджа; в общежитии с соседями туркменами они говорят по-русски.

Стефан Ф., студент СТ-ПВ 18-04, приехал из Камеруна; в его стране два государственных языка – французский и английский, которыми он отлично владеет; в школе он учился на французском языке, в семье он общается на французском, в общежитии с другими студентами – на русском. При освоении новых, незнакомых понятий сначала переводит их на английский язык, а затем старается запомнить на русском.

Такие (казалось бы, простые) формы знакомства работают безотказно, помогают создать атмосферу доверительности отношений между преподавателем и студентом.

Далее, как показывает опыт, полезно предложить написать философское эссе и выступить с ним перед студентами своей группы. Темы могут быть разными (выбирает сам студент): «Какие трудности и радости доставляет мне изучение русского языка», «Какие традиции я привез с собой в Россию и какие узнал здесь», «Почему я получаю знания в России / в Твери?» и другие простые, но жизненно важные. Поскольку это философское эссе, то студент должен соблюдать ряд правил: выделить ключевое понятие (например, в первой теме – это «язык», во второй – «знание», в третьей – «традиция» и т. д.); дать определение и обозначить свою позицию, если трактовок много; обосновать свои суждения теоретическими или иллюстративными (практическими) примерами.

После того, как вопросы знакомства и настройки тональности общения преподавателя с иностранным студентом решены, можно приступать к более сложной задаче – корреляции западно-европейских доктрин с понятиями о природе человеческой индивидуальности в восточном мировоззрении студентов. В процессе обучения философии преподавателю приходится адаптировать и упрощать содержание философского материала и форму изложения в соответствии с уровнем общей подготовки студента и его знания русского языка для осуществления диалога на занятиях. Типичной демонстрацией попытки устранения метафизической несовместимости и культурных границ являются понятия «ум», «душа» (mind, soul). Когда мы начинаем объяснять, что, по Платону, душа бессмертна и неизменна, как вечность, ей подвластная, душа – сверхэмпирическое существо, обитающее в интеллигибельном пространстве, в сознании студента из стран Африки сразу возникает образ Бога. Исследователи единодушно отмечают, что понятия «душа» и «Я» в западно-европейском и в восточной философии, в которой отсутствует психофизическая проблема, очень сильно различаются [6; 9].

По признанию африканских студентов, сложные философские термины они сначала ищут в англоязычной сфере Google и только потом переводят на русский. Однако не всегда прямой перевод русскоязычных терминов соответствует тому, что используется в англоязычной философской литературе. Случаются и казусы: например, слово «му́ка» из

христианской средневековой философии англоязычные студенты могут перевести в кулинарном значении (англ. flour – «мука́»). Чтобы избежать подобного, следует выводить это слово не отдельно, а сразу в смысловом сочетании pands of conScience, или remorse, что дословно переводится как «угрызения совести».

Авторы данной статьи работают на кафедре психологии и философии, поэтому не понаслышке знают, как важен синтез философского и психологического знания. Преподаватель философии, работающий с иностранными студентами, должен владеть не только разнообразными понятийными и языковыми средствами, но и психологическими приемами. Структура психологических средств сложна и включает: 1) на когнитивном уровне – предпочтение осведомленности и познания, прояснение представлений об учебной ситуации, интеллектуальное сосредоточение; 2) на мотивационном уровне – развитие у студентов желания осваивать новое, познавать неизведанное и, как результат, получать одобрение со стороны окружающих, толерантность к неопределенности, поиск психологической поддержки; 3) на эмоционально-волевом уровне – антиципацию рисков и неприятностей в учебной деятельности и путей их предупреждения, эмоциональную саморегуляцию [5].

Из приведенных примеров, равно как и из других, оставшихся «за скобками» (например, интерпретация таких понятий, как «логос», «судьба», «выбор», все терминологические искусы И. Канта, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и т. д.), видно, как важны семантическая чувствительность к понятиям, готовность всех участников диалога (и преподавателя, и студента) к изучению языков и традиций различных культур, желание психологически сбалансировать взаимодействие в ситуации учебной неопределенности и диалога культур, потребность во взаимном культурном обогащении.

Библиографический список

1. Григорьева Д.Д., Золотов А.А., Михеев М.И. Актуальность репрезентации ценностей в ситуации плюралистических дискурсов // Научные дискуссии о ценностях современного общества: сборник материалов X Международной научно-практ. конф. / отв. ред. Е.М. Мосолова. Тверь: ТвГТУ, 2015. С. 32–38.
2. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М.: Институт философии РАН, 2004. С. 104–124.
3. Зименкова Н.Н. Социокультурная адаптация иностранных студентов в России: междисциплинарный подход // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 2 (18). С. 20–25.
4. Колесникова А.С. Возможна ли интеркультурная философия? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 3. С. 59–70.
5. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Психологические средства профессиональной деятельности преподавателя информационных технологий // Открытое образование. 2002. № 4. С. 26–33.

6. Львов А.А. Возможность межкультурного понимания в истории философии: современные позиции // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2018. Т. 22. № 3. С. 365–376.
7. Мартюшов В.Ф., Верпатова О.Ю. Культура читателя как фактор адаптации иностранных студентов // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2017. № 2. С. 52–56.
8. Михайлова Е.Е. Три образа Сократа: к вопросу о преподавании философии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2018. № 2. С. 7–12.
9. Моторина Л.Е. Проблемы методологии, содержания и методики преподавания дисциплины «Философия» на английском языке в вузах России // Философское образование. 2017. № 2 (36). С. 63–67.

PHILOSOPHY TEACHING FOR FOREIGN STUDENTS: INTERCULTURAL ASPECT

A.A. Zolotov, V.F. Martyushov, E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to what difficulties the teacher of philosophy has today, what tasks he should set for himself in the contradictory conditions of higher education. Conceptual and semantic aspects of teaching of discipline «Philosophy» for foreign students is chosen for example. A philosophy teacher and a foreign student are seen as mediators between different cultural paradigms. A teacher is the bearer of the ideas of Western European philosophy, and a foreign student is the guardian of the Eastern mentality. It is noted that a foreign student is a subject of intercultural semantic space, so a teacher of philosophy can use various linguistic means to explain the most complex philosophical concepts, as well as psychological means for balanced interaction in a situation of educational uncertainty and dialogue of cultures.

Keywords: *culture, culture dialogue, interculture, philosophy, teacher of philosophy, foreign student.*

Об авторах:

Золотов Алексей Алексеевич – кандидат философских наук доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Мартюшов Владимир Филиппович – кандидат философских наук доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vmartushov@mail.ru

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Authors information:

Zolotov Alexey Alexeyevich – PhD of Philosophy, Assoc. Professor of Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: zlat76@yahoo.com

Martyushov Vladimir Filippovich – PhD of Philosophy, Assoc. Professor of Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vmartushov@mail.ru

Mikhailova Elena Evgenievna – PhD of Philosophy, Professor of Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 130.2:316.728(367)

К ИСТОРИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА: «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ»

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2019

Данная статья завершает серию публикаций, посвященных трансформации обычая «сговора» («помолвки»). Преобразование «сговора» из начального этапа заключения брака в обычай, предшествующий бракосочетанию, вызвало изменения в брачных традициях разных народов. Некоторые из них ограничились сменой локализации «тайных» свиданий молодых, перенеся место традиционных встреч на территорию социальной группы жениха. Цель статьи – попытаться обнаружить иные пути преобразования брачных традиций, выявить, какие перемены в брачных обычаях других народов стали следствием отказа общества видеть в «сговоре» начальный этап длительного процесса бракосочетания.

Ключевые слова: *брак, семья, заключение брака, обычай, помолвка, сговор.*

Нивелирование роли «сговора» как значимого этапа в процессе заключения супружеского альянса было связано с формированием чрезвычайно любопытных обычаев. В частности, пристального внимания заслуживает интересная традиция, обнаруженная в Новое время у ряда народов Средней Азии (например, среди туркмен, а также в некоторых группах киргизов и узбеков). Они не практиковали «тайные» визиты жениха к невесте и не придерживались оригинальной традиции помещения невесты в особый «брачный дом». Зато вплоть до XX в. в этой среде тщательно соблюдался обычай возвращения молодой женщины после официального бракосочетания и свадебного празднества в родительский дом на более или менее длительное время (от нескольких месяцев до нескольких лет) [1, с. 235–236; 4, с. 158–159].

Не менее интересны традиции части адыгских народов, разные группы которых придерживались различных свадебных обычаев. Речь идет

о первом посещении молодой родительского дома, которое устраивалось обычно через год после свадьбы. Причем нередко женщина отправлялась в отчий дом, почувствовав приближение родов. Дочь задерживалась у отца и матери на полтора или два месяца, а «в давние времена... – … на полгода и даже на целый год» [10, с. 276]. В этом случае первенец молодой женщины появлялся на свет под кровом его дедушки и бабушки с материнской стороны. Известно, что в Новое время молодая иногда приезжала в родительский дом уже будучи матерью. Примечательно, что традиция не позволяла дочери сразу показать ребенка своим родителям. Например, обычай черкесов требовал, чтобы при первом ее посещении родительской комнаты ребенка с ней не было. Дед и бабушка знакомились с внуком (внучкой) позднее. Возможно, что существование этого обычая было продиктовано не стеснительностью юной особы, а желанием имитировать «обретение» ребенка в отчем доме его матери. На Кавказе обычай «возвращение домой» молодой женщины и рождения там ребенка был широко распространен. Его существование в Новое время зафиксировано у балкарцев, абадзехов, осетин, сванов, аварцев, лакцев, армян, азербайджанцев [6, с. 11, 78, 80–81].

Не исключено, что некоторые группы грузин (гурийцы, рачинцы, имеретины) были не готовы расставаться со своими дочерьми ранее чем через несколько месяцев (а то и лет) после свадьбы, поскольку также лелеяли надежду осуществить переезд молодой женщины в дом мужа уже вместе с первенцем [6, с. 43–44].

Ногайцы сохранили оба варианта старой традиции. В соответствии с одним из них женщина отправлялась рожать первенца в дом своих родителей, в соответствии с другим она вовсе не покидала отчий дом до рождения первого ребенка. Причем зачастую такого первенца воспитывали не отец и мать, а дед и бабушка с материнской стороны [3, с. 110–112]. Быть может, в период формирования патрилокального типа брачного поселения среди некоторых народов распространился обычай, в соответствии с которым женщина, отправляющаяся на поселение к мужу, была обязана оставить своего первенца в родной семейно-родственной группе в качестве своего рода «компенсации» за собственный уход.

Пребывание новобрачной в родительском доме вплоть до рождения первого ребенка было известно разным народам. Например, данный обычай бытовал у гурунгов – этнической группы, которую относят к древнейшему коренному населению Непала. Порою у гурунгов пребывание молодой женщины в родительском доме затягивалось до четырех-пяти лет. Несколько лет после брака проводила в родительском доме новобрачная и у некоторых других гималайских народов [7, с. 224–227, 239]. Не только год, два, три, иногда даже десять лет оставалась в родительском доме молодая женщина из среды казанских

татар [9, с. 61]. В прошлом непременным условием обретения счастья якуты считали рождение первого ребенка в доме родителей женщины. Древние предания сохранили сведения о бытовании этой традиции: «... Она вышла замуж далеко от своего дома и жила, согласно старинному обычаю, долго еще после свадьбы у родителей; когда муж приехал за ней, у нее уже был ребенок» [11, с. 638]. Только после того, как дитя появлялось на свет, якут перевозил жену в свой дом [11, с. 547, 638]. Отголоски соответствующей традиции прослеживаются в андалусийском обычае, который предписывал дочери «в течение первого года замужества... жить в доме своих родителей» [5, с. 162]. Менее длительным пребывание молодой женщины в родительском доме после обряда венчания было у части финнов. Этот период обычно длился от месяца до полугода и имел собственное название – «зима молодки», или «год молодки». Однако в богатых семьях финнов в XIX в. молодая также зачастую «переезжала в дом мужа лишь перед родами» [14, с. 18, 30–31].

Следы схожих обычаев обнаруживаются и у наших непосредственных предков. Например, в «некоторых южнорусских областях... молодица целый год жила у матери и пряла на себя лен и посконь» [2, с. 63]. Не исключено, что соответствующее происхождение имеет практика возвращения роженицы в дом собственных родителей на срок до шести недель после родов, бытовавшая в XIX в. среди жителей Каширского уезда Тульской губернии. Возможно, что корни обычая, в соответствии с которым при приближении родов обитательницы некоторых русских деревень стремились перебраться в родительский дом, следует искать в том же комплексе представлений. Причем если отчий кров находился далеко, то предусмотрительные селянки отправлялись в путь «недели за две-три до родов», а возвращались лишь после рождения ребенка. Так поступали в позапрошлом столетии женщины в ряде деревень Владимирской, Псковской, Новгородской, Рязанской губерний. Известно, что сторонники этого обычая особенно тщательно стремились к его соблюдению при рождении первенца [8, с. 254–257].

Можно предположить, что обычай «возвращение домой» также стал следствием развития социальной дифференциации, заставившей социум отказаться от «сговора» как первого этапа заключения брака, санкционировавшего начало супружеской жизни молодых. Рост общественного неравенства оказал свое влияние и на социальные группы, не абсолютизировавшие значение биологического отцовства первенцев. В данном случае инициаторами перехода к единовременному (не растянутому во времени) обычаю заключения брака могли стать родители молодых девушек, мечтавшие выдать их замуж с получением максимально возможного «выкупа» и (или) передачей минимально возможного приданого (величина «брачных платежей» стала значительно дифферен-

цироваться с ростом социального и имущественного неравенства). Официальное признание брака перед началом половой жизни молодых людей гарантировало родителям девушки получение вожделенной суммы «выкупных платежей» (отдачи минимально возможного приданого). В то же время «растянутый» обычай заключения брака угрожал им внезапной потерей возможности обрести желаемый размер выкупа (или надежды ограничиться отдачей минимально возможного приданого) в случае непредвиденного разрыва брачной сделки на этапе между «сговором» и завершающим свадебным обрядом. Указанные причины способствовали переносу проверки детородных способностей молодой женщины на период, следовавший за заключением брака, а сам процесс бракосочетания из многомесячного (а порою и многолетнего) превратился в процедуру, длительность которой не превышала нескольких дней. Обычай «возвращение молодой» в отчий дом для рождения первенца позволяет предположить, что и у народов, среди которых он имел распространение, в прошлом женщина могла претендовать на признание за нею всех прав, связанных со статусом замужней дамы, лишь после доказательства ею способности к деторождению.

Характерно, что приданое, т. е. немалое имущество, предназначенное как для материальной поддержки новой семьи, так и для укрепления супружеских связей, родители женщины у адыгов выделяли только после соответствующего визита к ним молодых, который, как уже говорилось, происходил в прошлом не ранее, чем через год после свадьбы [10, с. 174–176]. У народов Средней Азии (например, у киргизов) значительную часть приданого молодая женщина также могла получить лишь спустя довольно длительный период времени (от года до трех лет после свадьбы) [1, с. 221–222]. Традиция перевозки части (а то и всего приданого) «после побывки» была характерна для финнов, придерживавшихся обычая более или менее длительного пребывания молодой в отчем доме [14, с. 31]. Зачастую немцы лишь «после рождения ребенка в дом жениха перевозили приданое невесты» [13, с. 22], а в некоторых районах Австрии мужья по традиции считали себя обязанными только после рождения первенца преподнести жене известный Morgengabe («утренний дар») [12, с. 61–62]. Следовательно, среди различных народов практиковалась передача всего имущественного комплекса, который семейно-родственные группы вступающих в брак планировали выделить на обеспечение нужд молодой семьи, лишь после того, как молодожены подтвердят свою способность к семейной жизни, что по обычаю связывалось в сознании наших предшественников с рождением первенца юной пары.

Итак, изменения в традициях заключения супружеских союзов имели тенденцию к сокращению роли «сговора»: «помолвка» постепенно

из этапа заключения брака превращалась в мероприятие, ему предшествующее, и теряла право санкционирования половой близости молодоженов. Представляется, что традиция заключения брака трансформировалась под воздействием процессов, сопровождавших развитие социального и имущественного неравенства (в том числе в связи с дифференциацией «брачных платежей»). Распространение практики, в соответствии с которой брачный союз с одной и той же девушкой мог привести к получению (или к отдаче) различных по величине «брачных плат», привело к сокращению процедуры заключения брака. В далеком прошлом общество было готово признать брачный союз лишь после того, как мужчина и женщина подтвердят его успешность путем рождения нового члена социума. Социальные перемены ломали устоявшийся порядок, вынуждая людей стремиться к «одномоментному» заключению брака и откладывать при этом проверку детородных способностей пары на период, следовавший за официальным бракосочетанием.

В социальных структурах, которые не прибегали к смене локализации «тайных» свиданий помолвленных молодых людей, изменение брачных традиций имело несколько вариантов. Если для группы принципиально важной была уверенность в биологическом отцовстве первенца, то сразу после церемонии, фиксировавшей законность брачного союза, молодая переезжала к мужу, а в отчий дом возвращалась уже будучи беременной. Успешное разрешение от бремени, несомненно, позволяло молодой семье воссоединиться. А вот каким образом развивались события, когда роды заканчивались печально, можно только догадываться. Во всяком случае, автору не удалось обнаружить информацию о будущей жизни таких супругов в доступных источниках. Если же в социуме не абсолютизировалось значение биологического отцовства, то супруга могла сразу после заключения брака вернуться в родительский дом или вовсе не покидать его пределы (по старой традиции ожидала регулярных визитов своего суженого). При данном варианте развития событий молодая семья начинала совместную жизнь после рождения либо первенца, либо нескольких детей, неоспоримо свидетельствующих в пользу жизнеспособности новой ячейки общества.

Вполне объяснимо желание наших предшественников сохранить древнюю традицию, в соответствии с которой молодая женщина не покидала родительский кров по крайней мере до рождения первого ребенка (а то и нескольких детей). Хорошо известно, сколь незавидным было в прошлом положение молодой, не обремененной детьми невестки в доме родителей ее мужа. Неудивительно, что во многих социальных группах родители изъявляли готовность расстаться со своей дочерью только после того, как статус молодой женщины в глазах родственников мужа будет подкреплен рождением ею отпрысков, призванных

продолжить существование во времени семейства супруга. В некоторых социумах родные девушки даже тянули до последнего, отправляя замужнюю женщину на постоянное жительство в дом мужа только спустя несколько лет после заключения брака, когда становилась очевидной настоятельная потребность участия отца в воспитании подросших сыновей. Кстати сказать, последние уже через несколько лет оказывались вполне эффективными защитниками интересов своей матери.

Столь длительное раздельное сожительство молодых супругов имело немаловажные плюсы для сохранения незыблемости социальной структуры (в частности, прочности брачных союзов). Очевидно, что молодожены, общение которых было жестко лимитировано социумом, с одной стороны, имели крайне ограниченные шансы выявить несходство характеров, способное стать веским основанием для расторжения их брачного союза, а с другой – получали много времени для того, чтобы, постепенно узнавая другого, привыкнуть к особенностям друг друга. Вероятно, что такое искусственное удлинение конфетно-букетного периода в отношениях молодых было возможно лишь в семейно-родственных группах, члены которых ощущали теснейшую взаимосвязь друг с другом. Близость, взаимозависимость членов семейно-родственной группы должны были быть достаточными для того, чтобы родственники молодой матери с готовностью тратили собственные силы на оказание помощи женщине в воспитании ее детей. Разрушение взаимосвязи членов семейно-родственной группы, индивидуализация, вызванная в том числе углублением социально-имущественной дифференциации социума, со временем неминуемо приводили к исчезновению столь интересного и экзотического (с точки зрения современного человека) длительного раздельного жительства членов одной малой семьи.

Сведения о существовании традиции «возвращение домой» молодой женщины после заключения брака донесли до нашего времени многочисленные источники, сохранившие информацию о жизни как азиатских, так и европейских народов. Широкое бытование данной практики свидетельствует, что новые веяния, распространившиеся в связи с изменением социальной структуры, не смогли вытеснить в общественном сознании устойчивое представление об исключительной значимости «испытания» детородных способностей молодоженов в ходе начального периода их супружеской жизни. Данный вывод подтверждает не только желание членов различных социальных групп обеспечить рождение первенца юной пары под кровом родителей новобрачной, но и их нередко проявлявшееся стремление отложить завершение передачи материальных ценностей, сопровождавшей заключение брачного альянса, до совершения этого важного события.

Библиографический список

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
2. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 274 с.
3. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975. 173 с.
4. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 241 с.
5. Кожановский А.Н. Народы Испании // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 134–166.
6. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 260 с.
7. Краснодембская Н.Г., Мазурина В.Н. Малые народы Непала // Малые народы Южной Азии / отв. ред. М.К. Кудрявцев. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 220–241.
8. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.): монография. СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
9. Максимов А.Н. Из истории семьи у русских инородцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 1. С. 41–76.
10. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
11. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
12. Филимонова Т.Д. Австрийцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 44–65.
13. Филимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 5–43.
14. Шлыгина Н.В. Финны // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 3–34.

TO THE HISTORY OF MARRIAGE: «RETURN HOME»

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

This work completes a series of publications devoted to the transformation of the custom of «engagement». The transformation of the «engagement» from the initial stage of marriage into a custom preceding the marriage, caused changes in the marriage customs of different nations. Some nations limited themselves to transferring the localization of «secret» meetings of young people to the territory of the groom's social group. The purpose of the presented work is to try to discover other ways of transforming marriage traditions, which were the result of the transformation of the «engagement».

Keywords: *marriage, family, marriage, custom, engagement.*

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: nzanegina@rambler.ru

Author information:

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (Historical Sciences), Assoc. Professor, Assoc. Professor of Dept. of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver. E-mail: nzanegina@rambler.ru

УДК 172.4:378-054.6

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В.Ф. Мартюшов, О.Ю. Верпатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Мартюшов В.Ф., Верпатова О.Ю., 2019

Рассмотрены особенности управления процессом социальной и культурной адаптации иностранных студентов в высшей школе, в частности условий адаптационной деятельности в российских вузах на современном этапе. Управление процессом адаптации иностранных студентов проанализировано с разных позиций (как корректировка цели, как планирование результатов и как перенастройка коммуникаций). Сформулированы принципы построения системы управления адаптационными процессами на платформе «встречи культур» в образовательных целях. Аргументируется суждение о том, что успешность «встречи культур» в образовательном пространстве зависит от глубины образовательных традиций принимающей культуры и обязательного выполнения иностранными студентами всех регулятивно-правовых норм процесса обучения.

***Ключевые слова**: общество, культура, управление, процесс адаптации, механизм адаптации, оптимизация, иностранный студент.*

Социокультурная адаптация иностранных студентов предполагает процесс и результат активного приспособления групп и отдельных индивидов к условиям новой этнокультурной и социальной сред. Этот вопрос решается исследователями на междисциплинарной основе: философы фокусируют внимание на дилемме «глобальное/локальное» [11]; психологи вскрывают личностные свойства индивида в структуре психологических типов деятельности (в том числе и адаптационной [12]); социологи и культурологи поднимают проблему аккультурации молодых мигрантов, желающих получить образование в другой стране [1; 4; 6; 14], и

справедливо отмечают, что интернет-пространство воздействует особым образом на механизм, формы и результаты адаптационных процессов [2; 7; 9]; лингвисты фокусируют внимание на особенностях дискурсивной коммуникации в процессе адаптации [13].

Говоря о социальной адаптации иностранных студентов, следует отметить, что под данным термином принято понимать непосредственно процесс поэтапного вхождения обучающегося, прибывшего из другого социума, в новую социальную среду посредством освоения различных форм общественного взаимодействия, характерных для данных условий, в частности постепенное освоение ролевого поведения, связанного со статусом «студент вуза». Результатом успешной социальной адаптации считается максимально успешное принятие роли и ролевых предписаний, ожиданий. Необходимо обратить внимание на то, что в данном случае процесс социального приспособления иностранного студента, как и большинство видов адаптации, носит интерактивный характер. Это выражается в тесной взаимосвязи социальной среды, адаптивной деятельности индивида (или группы) и приспособленческой активности: общество оказывает воздействие на объект и субъект адаптации и в то же время сами стороны адаптационных процессов вносят изменения в окружающую их социальную среду. Следует отметить, что влияние этой среды можно охарактеризовать как избирательное, поскольку индивидам свойственно перерабатывать и воспринимать воздействие через призму своего внутреннего мира, ценностной системы, взглядов и установок, сформировавшихся ранее. Одним из факторов успешной адаптации становится комбинация адаптивной и адаптирующей деятельности, соответствующая ситуативным обстоятельствам: особенностям принимающей социальной среды; этапу социализации, на котором находится личность; социально-культурным особенностям социальной среды выбытия; обстоятельствам и целям пребывания в новых социальных условиях и др. Именно анализ данных обстоятельств в итоге приведет к правильному пониманию необходимости адаптационных мер как таковых.

В процессе социальной адаптации иностранных студентов происходит формирование определенных условий для усвоения норм и ценностей, необходимых для оптимизации взаимодействий между иностранцами и местным социумом. В то же время происходит процесс преобразования условий, в которых будет находиться участник процесса адаптации, в частности учебной, бытовой сред, практик межличностного общения. Это необходимо для удовлетворения потребностей, без которых часть процесса адаптации не может быть успешно реализована. Если повседневные практики требуют от иностранного студента существенных усилий по их освоению, приспособлению к ним, могут возникнуть проблемы в освоении ролей, состоящих из требований и предписаний.

Культурная адаптация понимается как процесс активного освоения иностранными студентами ценностно-нормативных представлений о жизни страны и вуза, как процесс «врастания» индивида или социальной группы в иную культуру путем интериоризации ее знаково-символических форм. Э. Гидденс справедливо отмечает, что в контексте только социального толкования понятие адаптации рискует оказаться бессодержательным [5, с. 325]. Обязательно следует учитывать два обстоятельства: состояние принимающей стороны (стабильность/кризис социального порядка; интенсивность/экстенсивность социальных изменений, степень социального принуждения и др.) и активную деятельность самого субъекта, входящего в новую для него систему жизнеспособности (его осведомленность, дискурсивное сознание, рефлексивную саморегуляцию и др.). В числе базовых понятий процесса адаптации Э. Гидденс называет «осведомленность» и «способность к познанию». Он считает подобные показатели практического сознания исключительно сложными. Как правило, участники адаптационного процесса способны обоснованно описывать собственные поступки и объяснять причины, по которым они ведут себя так, а не иначе. «Однако большей частью эти способности согласуются и зависят от потока повседневного поведения», – считает исследователь [5, с. 385]. В процессе адаптации ключевой фигурой становится активно действующий субъект. Важным для него является дискурсивное объяснение причин собственных действий. Чаще всего это проявляется в таких ситуациях, когда субъекты адаптации не подчиняются принятым обычаям и традициям или отклоняются от привычных норм поведения.

Анализируя особенности реализации управления механизмом социально-культурной адаптации иностранных обучающихся, можно отметить, что по аналогии с управлением любым другим процессом оно включает в себя ряд обязательных аспектов. Прежде всего это потребность в разработке конкретных решений и практик, которые позволили бы оптимально реализовать включение иностранных обучающихся в уже сложившееся социальное пространство вуза. Это необходимо для регулирования и контроля протекания данного процесса, появления возможности повлиять на его состояние при условии наличия достаточно полной и своевременной информации о текущем состоянии дел. Именно информационное сопровождение позволяет вовремя вносить коррективы и отслеживать действие механизмов как таковых.

Продолжая проводить аналогии с управленческими процессами в организациях, следует подчеркнуть важную роль такой характеристики управления механизмами социально-культурной адаптации иностранных обучающихся, как наличие сформулированной цели, или целенаправленность. Цель как некое виденье конечного результата позволяет выстроить последовательную систему действий, продумать инструменты и

агентов, которые могут быть задействованы для максимально эффективного ее достижения. С этой позиции управление следует рассматривать как данную последовательность действий, направленных на объект для достижения обозначенной ранее цели. Формирование и разработка данных действий определяются таким важным элементом управления, как управленческие решения. Эти решения не принимаются спонтанно, а выстраиваются с учетом заявленной итоговой цели при помощи анализа информации о состоянии проблемы и объекта управления в целом, последствий уже предпринятых управленческих решений, построенных прогнозов и т. д. Важную роль в правильном построении и разработке управленческих решений играют два ключевых аспекта: сформулированная изначально корректная цель, служащая своего рода маяком в управленческом процессе, и учет происходящих изменений социальной системы и объекта, контролируемых за счет постоянного обновления и актуализации информации о них. От формулировки цели зависит и общая эффективность управления. Цель должна быть достижима, сформулирована однозначно, давать возможность для дальнейшего анализа успешности реализации управленческих решений. Как отмечают исследователи, цели управления могут подразделяться на обобщенную, главную (конечный идеализированный образ) и оперативные, конкретные, которые определяют реализацию ключевых этапов в процессе управления и принятия решений. Это своего рода пошаговые действия, реализуя которые, можно достигнуть общей цели.

Управленческие решения не являются чем-то статичным, они динамично реагируют на поступающую новую информацию, на основании чего цель может уточняться, а оперативные цели расширяться или, наоборот, сокращаться по мере необходимости.

Цель управления адаптационным процессом можно рассматривать с двух позиций: «цель-идеал» и «цель-результат». Цель-идеал представляет собой некоторое предвосхищение конечного итога адаптации; цель-результат выступает как итоговая характеристика процесса адаптации. В таком контексте управление следует рассматривать двояко: как корректировку и как планирование этого единства цели. В результате можно отметить, что постановка корректной, обоснованной научными практиками и анализом информации цели становится одним из центральных этапов разработки любой системы деятельности, в том числе и адаптационной.

Представление о цели зависит не только от изначально сформулированного виденья конечного результата, но и от стадии, на которой находится в данный момент реализация управления механизмом адаптации, и от времени [3]. По мере развития представлений об объекте управления и с течением времени цель будет трансформироваться. По этой причине необходимо проводить постоянный анализ текущей ситуации

управления и движения по направлению к достижению поставленной цели, а по результатам анализа сложившейся ситуации осуществлять переосмысление и, если потребуется, переформулировку. Основная цель нуждается в уточнении и структуризации, что должно найти отражение в формулировании более конкретных целей на ее основе. Это происходит через сужение области цели, уменьшение ее неопределенности. Данные приемы автоматически приводят к росту числа параметров, необходимых для описания цели, а значит, и росту потребности в информации. Отметим, что в сложившихся практиках управления механизмами социальной адаптации иностранных студентов формулировка цели процесса управления закономерно приводит к необходимости установить цель самого процесса социально-культурной адаптации, что обусловлено формулировкой главной цели: повышение эффективности всех этапов и процессов социальной адаптации.

Встает новый вопрос «каковы же, таким образом, цели непосредственно социокультурной адаптации?». Анализируя трактовки этого процесса, можно отметить, что основную цель в данном случае можно определить как обеспечение эффективного, оптимального взаимодействия индивида или социальной группы, оказавшихся в новых социальных условиях, с социальной средой. В случае с социально-культурной адаптацией иностранных студентов целями могут выступать их вхождение в пространство новых социальных взаимодействий и успешное выполнение ими социальной роли студента. Успешность выполнения данной роли заключается в том, что иностранный студент участвует в социальных взаимодействиях таким образом, чтобы это соответствовало ролевым ожиданиям и предписаниям, предъявляемым ему социально-культурной средой. Это, в свою очередь, найдет отражение в эффективном участии индивида в различных видах деятельности, среди которых основной будет считаться учебная. В таком контексте возникает вопрос о расширении цели управления, поскольку акцент в диспозиции «обучающийся – образовательная среда» смещен на конкретизацию обобщенной цели. Исследователи предлагают реализовывать конкретизацию через выделения и последовательный анализ трех ключевых категорий процесса адаптации иностранных студентов: «обучающийся», «образовательная среда» и «оптимизация» [10]. Рассмотрим два последних компонента с позиции конкретизации цели.

Оптимизация в рамках социально-культурной адаптации затрагивает прежде всего достижение определенного соответствия обучающихся образовательной среде. Это соответствие заключается в соблюдении студентами норм и правил, предписанных конкретными социально-культурными условиями. Исходя из этого, первой конкретной целью социальной адаптации становится трансформация субъекта адаптации через усвоение иностранными гражданами социальной роли студента

российского вуза. Принятие и успешная реализация данной роли обеспечивают основу для эффективного освоения учебных программ. Это освоение становится адекватным тем требованиям, которые предъявляет к носителям данной роли образовательная среда и межличностное взаимодействие.

Второй конкретной целью адаптации иностранных обучающихся является преобразование компонентов образовательной среды в соответствии с социокультурной спецификой и личностными характеристиками данного контингента. Эта цель предполагает необходимость создания условий и для оптимизации, и для личностного развития иностранного студента. Часто эта цель недооценивается, ее значение приуменьшается, в результате чего ее не выделяют непосредственно как конкретную, однако при ее игнорировании оказывается неэффективным целый ряд факторов, способствующих успешности реализации социально-культурной адаптации.

Безусловно, формулирование целей социокультурной адаптации играет важную опорную роль в осуществлении проектирования целей управления этим процессом, однако теоретические трудности в обосновании целей зачастую связаны с неоднозначностью трактовки места целеполагания в системе управления. На данный момент сложилось два подхода к определению роли целеполагания в управлении и, соответственно, в подходе к формулировке цели. Первый подход определяется позицией, что формулировка цели не является этапом непосредственно процесса управления, а может выступать, к примеру, элементом системы планирования. Сторонники данного подхода предполагают отказ от дальнейшего пересмотра цели управления; она принимается за некую константу, не подлежит переформулировке даже в случае объективно изменившихся условий [8, с. 84].

Сторонники второго подхода относят формулировку цели не к предуправленческому этапу, а к непосредственно управленческому циклу, в результате чего переоценка и переосмысление цели управления представляются закономерно необходимыми для продуктивного принятия управленческих решений. Задача управления любой системой заключается в сохранении и поддержании ее стабильного состояния, обеспечении преемственности при переходе системы из одного своего состояния в другое. В результате можно сформулировать главную цель социального управления: обеспечение стабильного функционирования и развития системы.

Рассматривая международные отделы или службы российских вузов как субъект, реализующий управление механизмами социально-культурной адаптации иностранных студентов, необходимо выделить ключевые направления деятельности, через которые и предполагается достижение цели. Такими направлениями становятся создание условий для

реализации адаптации учащихся и предоставление возможностей для получения качественного образования иностранными гражданами. Здесь следует особо подчеркнуть, что обеспечение условий является не менее значимой деятельностью, чем предоставление возможностей обучения, поскольку студенты не способны реализоваться в учебной деятельности без соответствующего уровня решения бытовых, социально-психологических и ряда других повседневных вопросов. Главное здесь – эффективность функционирования адаптационных механизмов; именно это дает возможность для организации успешного взаимодействия между обучающимися и социальной средой.

Особенностью декомпозиции и структуризации обобщающей цели управления механизмом социальной и культурной адаптации иностранных обучающихся является то, что эти процессы предопределяют практическую работу по формированию системы мероприятий, обеспечивающих реализацию задач каждого уровня управленческой деятельности. Понятно, что конкретная цель предполагает достижение определенного результата, что в конечном счете способствует повышению эффективности механизма социальной адаптации по каждому ее виду (направлению).

Сложность управления механизмом социальной адаптации иностранных обучающихся заключается в том, что в ходе данного процесса необходимо учитывать два аспекта. Во-первых, иностранные студенты – мигранты, носители определенного социально-культурного пространства, включающего в себя усвоенные нормы, ценности, роли и т. д. Они обладают своей спецификой; эта гетерогенная социальная общность в то же время имеет общую цель – получить профессиональное образование. Следует понимать, что в процессе адаптации иностранных учащихся речь идет об индивидах, прошедших определенные стадии социализации, имеющих свой социальный опыт, что осложняет сам процесс управления. Во-вторых, существуют объективные требования со стороны высшей российской школы, как формальные, обозначенные в нормативных документах, так и неформальные, сложившиеся в результате процесса преемственности конкретных традиций высшей школы, передачи опыта, ценностей, практик. При рассмотрении процесса управления вышеназванными механизмами это необходимо учитывать.

На сегодняшний момент сформировалась объективная потребность в комплексном анализе существующих проблем и практик управления механизмом социальной адаптации иностранных обучающихся в российском вузе. Данная потребность сформировалась в соответствии с новыми тенденциями в работе международных служб вузов РФ. Сегодня имеет смысл говорить об усложнении взаимоотношений между социальной средой и образовательными мигрантами, многообразии аспектов этих взаимодействий, формировании поликультурной среды, в которой должна

протекать социализация иностранных учащихся. Остро встают вопросы геттоизации, этнической замкнутости как препятствий на пути успешной социализации и, как следствие, адаптации, а также вопросы сохранения своих культурных особенностей при необходимости успешного освоения стандартов другой культуры и др.

Особенности управления механизмом социокультурной адаптации выстраиваются в соответствии с основными направлениями (видами) адаптационных процессов иностранных обучающихся – учебным, ролевым, социально-психологическим, культурно-психологическим, социально-бытовым, личностно-психологическим и физиологическим, средовым. Раскрытие характеристик видов социокультурной адаптации позволяет сформировать комплекс показателей для проведения мониторинга эффективности управленческого воздействия по каждому направлению адаптации.

Инструментами управленческого воздействия выступают объективные и субъективные факторы социальной адаптации, являющиеся составляющими образовательной среды российского вуза и социальной среды в целом. Причем операционная роль образовательной среды в управлении адаптационными процессами предполагает перманентную деятельность по приведению ее основных характеристик в соответствии с современными требованиями высшей школы.

Объективные, т. е. внешние по отношению к адаптирующемуся индивиду/группе, факторы социальной адаптации стабильны, устойчивы; как правило, они жестко закреплены в учебных планах, рабочих программах, в социальных нормах. Их выполнение отслеживается механизмами социального контроля. К внешним социальным факторам можно отнести социально-демографические (пол, возраст, социальный статус, семейное положение, наличие детей, уровень базового образования, профессиональная подготовка и др.); социально-экономические (средний доход в семье, источники дохода и т. д.); социально-бытовые (условия проживания, организация питания, досуга и др.); информационно-дидактические (предварительная информированность о принципах и правилах построения и выполнения различного рода учебных заданий, методиках обучения); ресурсные (задействованность для образовательного процесса наиболее важных ресурсов – библиотечного фонда, компьютерной базы вуза и т. д.).

Среди субъективных факторов социальной адаптации иностранных обучающихся решающими, как и для любой сферы человеческой деятельности, являются мотивация и удовлетворенность результатами. Иностранные студенты должны проявлять максимальную активность в своей познавательной деятельности и стараться быть компетентными акторами, т. е. находить и объяснять причины и цель своих действий в том

виде, в каком они имеют место быть, а также аргументированно излагать их другим субъектам образовательного процесса – студентам, преподавателям и руководителям.

Подводя итоги, скажем, что успешность «встречи» культур в образовательном пространстве зависит от многих обстоятельств, главные из которых – глубина образовательных традиций принимающей культуры и обязательное выполнение всеми студентами (и иностранными, и носителями культуры) всех регулятивно-правовых норм процесса обучения.

Для более адекватного понимания адаптационных трудностей, с которыми сталкиваются иностранные обучающиеся в российских вузах, и формирования на этой основе более эффективного управления механизмом адаптационного процесса необходим постоянный мониторинг факторов социокультурной адаптации.

Библиографический список

1. Верпатова О.Ю., Ковалева Е.О. Проблемы аккультурации молодых мигрантов // Саморазвивающаяся среда технического университета: материалы Всероссийской научно-практ. конф. В 3 ч. Ч. 3. Тверь: ТвГТУ, 2017. С. 45–51.
2. Верпатова О.Ю. Социальные интернет-сети как платформа взаимодействия субъектов образовательного процесса // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации: сборник трудов X Всероссийской конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Е.А. Никитиной. М.: МИРЭА, 2017. С. 277–283.
3. Волкова В.Н., Денисов А.А. Теория систем и системный анализ. М.: Юрайт, 2014. 616 с.
4. Гаранина О.Д., Прохоров А.В., Степаненко Е.В. Проектирование целей управления процессом социальной адаптации // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: «Общество, экономика, образование». 2003. № 67. С. 146–151.
5. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
6. Железнякова С.Н. Проблемы адаптации иностранных студентов, приезжающих учиться в Россию, и возможные пути решения этих проблем // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5–2. С. 60–62.
7. Иванов В.Г., Долгова Т.В., Мартюшов В.Ф. Фактор социальной адаптации в модернизационных социальных процессах // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2015. № 2. С. 112–117.
8. Карпов А.В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 2005. 584 с.
9. Мартюшов В.Ф. О механизме социальной адаптации иностранных студентов в российском вузе // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: «Общество, экономика, образование». 2005. № 94. С. 106–113.
10. Координация управления механизмом социальной адаптации иностранных студентов / В.Ф. Мартюшов [и др.] // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2015. № 3. С. 37–45.
11. Михайлова Е.Е. Цивилизационное и культурное своеобразие мира личности в контексте глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2016. № 2. С. 38–46.

12. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Личностные свойства профессионала в структуре психологических типов деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2016. № 1. С. 21–40.
13. Павлюкова Ю.В. Проблемы адаптации иностранных студентов к обучению в вузе // Международное образование и сотрудничество: сборник материалов Международной научно-практ. конф. «Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан», г. Москва, 28–30 мая 2015 г. В 3 т. Т. 2. М.: МАДИ, 2015. С. 273–276.
14. Шуметов В.Г., Лясковская О.В., Пашин Л.А. Информационно-аналитическое обеспечение управления адаптацией студентов в среде вуза: методические аспекты формирования индикаторов адаптационных процессов // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 5. С. 48–60.

FEATURES OF MANAGEMENT OF PROCESS OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

V.F. Martyushov, O.Yu. Verpatova

Tver State Technical University, Tver

The features of management of social and cultural adaptation of foreign students in higher education, the state of adaptation activities in the Russian universities at the present stage. Management of adaptation process of foreign students is considered from different perspectives – as a goal-setting, planning outcomes and communication tuning. Provided the principles of building the management system of the adaptation process for the educational purposes based on «meeting of cultures».

Keywords: *society, culture, governance, process of adaptation, mechanism of adaptation, international student.*

Об авторах:

Мартюшов Владимир Филиппович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vmartushov@mail.ru

Верпатова Оксана Юрьевна – кандидат философских наук доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Authors information:

Martyushov Vladimir Filippovich – PhD, Assoc. Prof. of Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vmartushov@mail.ru

Verpatova Oksana Yurievna – PhD, Assoc. Prof. of Dept. of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 43–51

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9.075

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К РЕЖИМУ НЕСЕНИЯ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

Ю.Ю. Чечурова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Чечурова Ю.Ю., 2019

Рассматриваются факторы, создающие затруднения и проблемы в адаптации призывников срочной службы. Приводятся результаты исследования психологических особенностей социальной адаптации, мотивационной сферы личности, копинг-механизмов, а также показателей нервно-психической устойчивости у военнослужащих срочной службы на начало и конец службы. Делается вывод, что на начало службы большинство призывников имеют низкие показатели адаптационного потенциала, который связан прежде всего с комфортом, общением, социальном статусом и поиском социальной поддержки. Отмечается, что к концу года службы адаптационные возможности имеют более высокие показатели и связаны с творческой активностью, нервно-психической устойчивостью и принятием ответственности.

Ключевые слова: *адаптация, личностный адаптационный потенциал, нервно-психическая устойчивость, мотивационная структура личности, копинг-стратегии, военнослужащие срочной службы.*

Постоянно проводимые реформы армии РФ, наряду с развитием и улучшением обстановки в жизни российского общества, обусловливают и социально-психологические проблемы, связанные с адаптацией военнослужащих по призыву к воинской среде и различным условиям службы.

Призыв на военную службу характеризуется прежде всего новизной обстановки, в связи с чем жизнь призывника отличается изменением потребностно-мотивационной сферы. Уже несколько лет наблюдается тенденция к переходу от моральных ценностей (таких как долг перед Родиной, школа жизни, мужества, шаг к самостоятельности и т. п.) к рассмотрению службы в армии как неприятной неизбежности, бесполезной трате времени, повинности, которую приходится выполнять из-за страха перед возможным уголовным преследованием. Вместе с тем отрицательную роль играют и низкий статус военнослужащих, отсутствие престижа воинской деятельности в системе общественных отношений.

Согласно мнению отечественных психологов (П.С. Граве, М.Р. Шнейдмана, Ф.Б. Березина, В.Р. Цылевой и др.), психологическая адаптация выступает как процесс, в результате которого по мере осуществления психической деятельности происходит установление оптимального соответствия состояния личности требованиям окружающей среды [3].

Анализируя различные точки зрения на процесс адаптации, можно говорить о двух возможных направлениях данного процесса. При этом необходимо отметить, что выбор адаптивных способов поведения зависит как от индивидуально-личностных особенностей, так и от влияния внешних факторов социальной среды. Первое направление рассматривает успешные адаптивные (незащитные) механизмы и варианты поведения, второе – использование комплекса защитных механизмов и способов поведения, не способствующих взаимодействию с окружающими. При этом применение и тех, и других механизмов с одинаковой долей вероятности может привести к успешной адаптации.

Адаптация призывников охватывает все сферы их новой служебной деятельности и определяется личностным уровнем нервно-психической устойчивости, потребностно-мотивационной сферы, особенностями их преодолевающего поведения в условиях стресса и т. д.

Рассматривая процесс адаптации новобранцев к службе в Вооруженных силах РФ, Н.Г. Бондарь особое внимание уделил анализу нервно-психической устойчивости как личностного механизма, способствующего успешной адаптации [2]. Соответственно, описывая условия военной службы для призывника как фрустрирующие, вполне можно вести речь о нервно-психической неустойчивости как неспособности успешной адаптации к условиям службы в силу нарушения регуляторных механизмов психической деятельности. Среди причин развития подобных нарушений одно из ведущих мест принадлежит деструктивному влиянию на личность психогенных факторов армейской среды в виде кризисных и конфликтных ситуаций, стрессовых условий службы, а также индивидуально-личностным особенностям людей, определяющих низкие адаптационные способности [5; 6].

Одним из важнейших условий адаптации к воинской службе является сформированность внутренней мотивационной структуры личности, в которой важным компонентом выступает осознание молодым человеком предстоящих сложностей несения службы. Если такое осознание отсутствует, то можно прогнозировать возникновение фрустрационных признаков (негативных эмоциональных проявлений и непонимания происходящего, что, в свою очередь, не способствует успешному адаптационному процессу) [4].

Ряд авторов, изучающих специфику процесса адаптации, отмечают недостаточную разработанность программ по адаптации юношей к условиям несения срочной службы в соответствии с их индивидуально-личностными особенностями [1; 7].

Таким образом, острая потребность в повышении эффективности адаптационного процесса призывников срочной службы, возрастающие

требования к постоянному мониторингу, прогнозированию и регуляции хода адаптации с учетом индивидуальных и социально-психологических особенностей молодых солдат в новых условиях прохождения службы по призыву, ее недостаточная теоретическая разработанность в психологии и определили выбор цели и объекта исследования.

Объектом исследования выступили новобранцы мужского пола войсковой части г. Твери в количестве 52 чел., призванные в Вооруженные силы РФ на 12 месяцев в начале и конце года службы.

Диагностика проводилась с помощью следующих методик: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина; анкета нервно-психической устойчивости «Прогноз» (В.Ю. Рыбников); диагностика мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана; копинг-тест (Р. Лазарус и С. Фолкман).

Анализ результатов исследования адаптационного потенциала показал, что у новобранцев в начале службы преобладает низкий уровень адаптации (52 %). Они могут совершать нежелательные и непредсказуемые действия, поэтому требуется постоянный контроль. Часть призывников продемонстрировала средний уровень моральной нормативности (44 %). Им присуща легкая приспособляемость к изменяющимся ситуациям служебной деятельности. У большинства наблюдается средний уровень коммуникативных способностей (44 %); у этих 44 % существуют некоторые затруднения в построении контактов с окружающими, присутствуют проявление агрессивности, определенный уровень конфликтности.

В конце года службы солдаты имеют более высокие адаптационные возможности (24 %). Они приобретают адекватную оценку по отношению к окружающей действительности и к самим себе, легче приспосабливаются к изменяющимся условиям служебной деятельности, обладают более высоким уровнем моральной нормативности (высок у 32 %). По шкале коммуникативного потенциала через год службы среднего уровня коммуникативных способностей достигают 68 % солдат, а высокого – 32 %.

Результаты исследования нервно-психической устойчивости показали, что среди военнослужащих начала года службы преобладает удовлетворительный уровень (у 52 %). Через год службы у 52 % солдат преобладает хороший уровень нервно-психической устойчивости (табл. 2).

Диагностика мотивационной структуры личности военнослужащих позволила выявить некоторые устойчивые тенденции (общую и творческую активность, стремление к общению, обеспечению комфорта и социального статуса и др.). На основе всех ответов можно составить суждение о рабочей (деловой) и общежитейской направленности личности (рис. 1).

Таблица 1

Показатели уровней адаптивности у военнослужащих по призыву на начало и конец службы

Уровень адаптивности	Военнослужащие по призыву в начале службы, %			Военнослужащие по призыву в конце года службы, %			Достоверность различий
	Личностный адаптивный потенциал	Моральная нормативность	Коммуникативные особенности	Личностный адаптивный потенциал	Моральная нормативность	Коммуникативные особенности	
Низкий	52	48	44	20	4	0	$p < 0,001$
Средний	36	44	44	56	64	68	–
Высокий	12	8	12	24	32	32	$p < 0,005$

Таблица 2

Результаты исследования уровней нервно-психической устойчивости военнослужащих по призыву на начало и конец службы

Уровень нервно-психической устойчивости	Военнослужащие по призыву в начале службы,%	Военнослужащие по призыву в конце года службы, %	Достоверность различий
Низкий	8	0	$p < 0,001$
Удовлетворительный	52	24	$p < 0,005$
Хороший	40	52	–
Высокий	0	24	$p < 0,001$

На рис. 1 наглядно представлено, что военнослужащие к концу года службы имеют более высокие показатели по всем шкалам мотивационного профиля, чем призывники. При анализе эмоционального профиля выявлены снижение астенического типа переживания и повышение уровня стенического. Достоверные различия обнаружены по шкалам «Общая активность», «Творческая активность», «Общение», «Общественная полезность».

	Жизнеобеспе-чение	Комфорт	Социальный статус	Общение	Общ. активность	Творческая активность	Общ. полезность	Астенический тип переживания	Стенический тип переживания
Начало службы	21,56	20,52	19,72	20,88	18,24	17,12	16,00	12,20	7,8
Конец службы	23,60	22,12	21,24	23,20	22,24	20,88	19,60	9,52	8,28
Достовер-ность различий	–	–	–	$p<0,05$	$p<0,05$	$p<0,05$	$p<0,05$	$p<0,00$	–

Рис. 1. Результаты исследования мотивационной структуры военнослужащих по призыву на начало и конец службы

В целом анализ мотивационного и эмоционального профилей показал преобладание на начало службы импульсивного (28 %), регрессивного и уплощенного (по 24 %), смешанного (52 %) и астенического (40 %) типов. На конец воинской службы преобладают прогрессивный (44 %), смешанный (40 %) и стенический (32 %) типы профилей (рис. 2).

Результаты обработки копинг-теста показали, что у всех опрошенных военнослужащих в начале службы наиболее предпочитаемая копинг-стратегия «Бегство-избегание»; остальные результаты представлены на рис. 3.

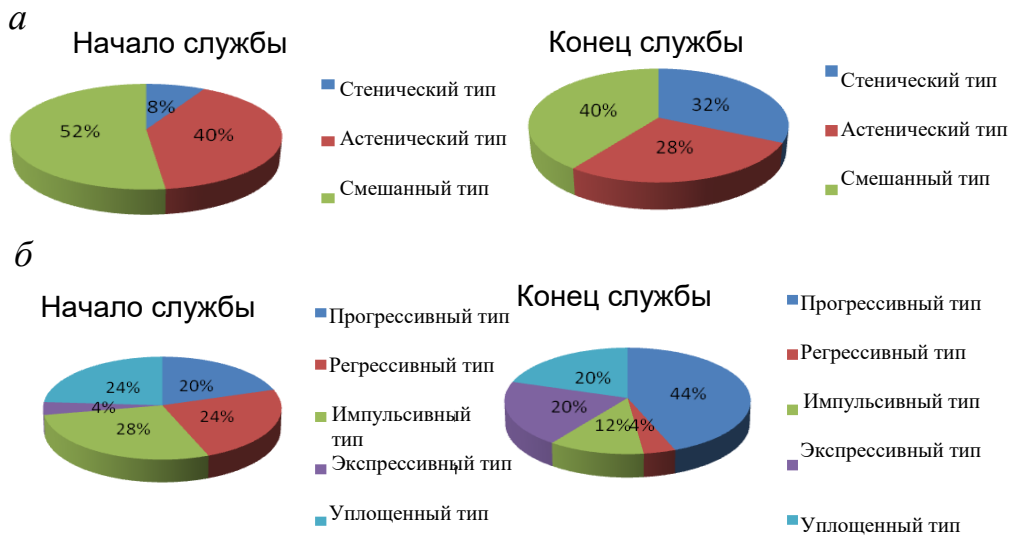


Рис. 2. Сравнение показателей эмоционального (*а*) и мотивационного (*б*) профилей военнослужащих по призыву на начало и конец службы

	Средние значения копинг-стратегии							
	Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности	Бегство-избегание	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
Начало службы	52,68	54,32	28,60	41,64	43,40	61,12	36,24	47,32
Конец службы	48,20	49,84	32,72	48,60	51,36	55,12	44,16	54,88
Достовер-ность различий	–	$p = 0{,}05$	$p = 0{,}05$	$p < 0{,}00$	$p < 0{,}00$	$p = 0{,}078$	$p = 0{,}05$	$p = 0{,}059$

Рис. 3. Результаты исследования применяемых копинг-стратегий военнослужащими по призыву в начале и конце службы

Для военнослужащих в начале службы характерны стратегии избегания проблемы, дистанцирования (мысленное отстранение от ситуации), конфронтации, состоящие в агрессивных действиях по изменению ситуации. Кроме того, эта группа военнослужащих менее всего склонна прибегать к планированию в рамках достижения целей и решения проблемы. Через год респонденты показывают преобладание стратегии «Положительная переоценка» за счет того, что они научились более адекватно понимать и переосмысливать проблемные ситуации. Уровень принятия ответственности также вырос, что является показателем более серьезного и основательного отношения к служебной деятельности и принятию решений. Однако данная стратегия не всегда положительна, так как может проявляться в необоснованной самокритике, появлении чувства вины и неудовлетворенности собой. В целом можно говорить о том, что с появлением определенного опыта молодые люди начинают осознанно подходить к выполнению своих служебных обязанностей, адекватно оценивать себя, свои действия и поступки.

В целях выявления особенностей адаптации в каждой группе военнослужащих был проведен корреляционный анализ. Так, в группе новобранцев личностный адаптационный потенциал имеет прямые взаимосвязи со шкалами мотивационного профиля: «Комфорт» ($k = 0{,}505$ при $p = 0{,}01$), «Общение» ($k = 0{,}456$ при $p = 0{,}022$), «Социальный статус» ($k = 0{,}421$ при $p = 0{,}036$), «Общая и творческая активность» ($k = 0{,}532$ при $p = 0{,}006$ и $k = 0{,}393$ при $p = 0{,}05$ соответственно), а также с копингом

«Поиск социальной поддержки» (k = 0,399 при p = 0,048). Кроме того, личностный адаптационный потенциал опосредованно (через «общение») связан с копингом «Бегство-избегание» (k = 0,369 при p = 0,069). Это говорит о том, что в начале службы новобранцы нуждаются в поддержке со стороны взрослых товарищей, так как они попадают в новую для них среду. Им свойственно обращаться за помощью или избегать стрессовых ситуаций, нежели прибегать к планированию решения проблемы, так как их распорядок жизни подчинен командирам в конкретной ситуации.

В группе военнослужащих на конец службы обнаружены прямые взаимосвязи личностного адаптационного потенциала со шкалами мотивационного профиля: «Творческая активность» (k = 0,429 при p = 0,033) и стенический тип переживания (k = 0,387 при p = 0,050), а также с нервно-психической устойчивостью (k = 0,406 при p = 0,037). Шкала мотивационного профиля «Поддержание жизнеобеспечения» имеет обратную корреляцию с копингом «Дистанцирование» (k = –0,397 при p = 0,050). Шкала «Комфорт» положительно связана с копингами «Поиск социальной поддержки» (k = 0,374 при p = 0,066), «Принятие ответственности» (k = 0,573 при p = 0,003), «Положительная переоценка» (k = 0,400 при p = 0,047). Шкала общения тесно связана с копингом «Положительная переоценка» (k = 0,429 при p = 0,032). Творческая активность отрицательно связана с копингом «Планирование решения проблемы» (k = –0,690 при p = 0,000). Стенический тип переживания имеет взаимосвязь с копингами «Дистанцирование» (k = –0,392 при p = 0,053), «Принятие ответственности» (k = 0,604 при p = 0,001). Таким образом, военнослужащие к концу службы успешно используют копинги «Принятие ответственности» и «Положительная переоценка». Они осознанно подходят к выполнению своих обязанностей и умеют давать правильную оценку своим действиям и поступкам. Для них становится характерно проявлять творческую активность; они способны обращаться за поддержкой в трудной ситуации, а не дистанцироваться. Все это способствует более высокому уровню адаптации в условиях регулирования своего взаимодействия со средой деятельности в ритме армейской жизни.

Резюмируя полученные результаты исследования, важно отметить, что даже при наличии соответствующей мотивации военнослужащие могут сталкиваться с большими трудностями в адаптации на новом месте в начале службы. Показаны разные уровни адаптации военнослужащих к условиям несения воинской службы. Адаптировавшиеся призывники быстро привыкают к несению службы, армейскому быту и занятиям по боевой подготовке, быстро находят друзей в коллективе, не поддаются унынию из-за неудач, что способствует успешному несению службы. Психологическая адаптация военнослужащих является наиболее значимым процессом, происходящим с молодым человеком, поступившим на службу. От этого

процесса будет во многом зависеть дальнейшая деятельность военнослужащего, его желание и стремление служить и выполнять поставленные перед ним задачи. Быстрая адаптация способствует повышению уровня сплоченности военнослужащих, коллективизма среди воинов, формированию здоровой, дружеской обстановки в подразделении.

Библиографический список

1. Алькуатова А.Л., Савицкий В. Проблема формирования готовности юношей к прохождению воинской службы на современном этапе // Образование: традиции и новинки: материалы XI Международной научно-практ. конф. World Press, 2016. С. 8–10.
2. Бондарь Н.Г. Психологическая готовность юношей к службе в Вооруженных силах Российской Федерации // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия: «Гуманитарные науки». 2008. № 6. С. 4.
3. Голуб В.В., Иванова А.Е. Психологические особенности формирования мотивации молодежи к военной службе // Наука как движущая антикризисная сила: инновационные преобразования, приоритетные направления и тенденции развития фундаментальных и прикладных научных исследований: сборник научных статей по итогам международной научно-практ. конф. СПб.: КУЛЬТ-ИНФОРМ-ПРЕСС, 2016. С. 78–80.
4. Ефимов М.В. Эмоциональный компонент психологической готовности военнослужащих как фактор адаптации к военной службе // Материалы региональной научно-практической конференции. Н. Новгород: НГПУ, 2007. С. 106–110.
5. Кожогелдиева К.М., Кожогелдиев А.С. Социально-психологическая сущность адаптации молодого пополнения к военной службе // Проблемы науки. 2019. № 8 (44). С. 47–52.
6. Логутова Е.В., Тунина Л.А. Психологические особенности адаптации призывников к воинской службе из полных и неполных семей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. № 2 (19). С. 272–274.
7. Султанова И.В. Психологические особенности адаптации военнослужащих к условиям срочной службы // Современные проблемы социально-психологических наук. 2016. № 3. С. 23–28.

FEATURES OF ADAPTATION OF MILITARY SERVANTS TO THE MODE OF CARRYING THE URGENT SERVICE

Yu.Yu. Chechurova

Tver State Technical University, Tver

The article discusses issues related to factors that create difficulties and problems in the adaptation of conscripts. The results of the study of the psychological characteristics of social adaptation, the motivational sphere of personality, coping mechanisms, as well as indicators of neuropsychic resistance in military servicemen at the beginning and end of the service are presented. So, at the beginning of the service, most recruits have low indicators of adaptive potential, which is interconnected primarily with comfort, communication, social status and the search

for social support. By the end of the year, adaptive capabilities have higher rates and are associated with creative activity, neuropsychic resistance and acceptance of responsibility.

Keywords: *adaptation, personal adaptation potential, neuropsychic stability, motivational personality structure, coping strategies, military servicemen.*

Об авторе:

Чечурова Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: y.chechurova@gmail.com

Author information:

Chechurova Yuliya Yurevna – PhD, Assoc. Prof. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: y.chechurova@gmail.com

УДК 159.923.33

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ТРУДОВУЮ ПСИХОЛОГИЮ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

С.В. Лавриков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Лавриков С.В., 2019

В статье анализируется влияние природно-климатических условий на национальный менталитет. Рассматриваются особенности природных условий российской цивилизации. На основе работ В.О. Ключевского, Л.В. Милова, А.Н. Энгельгардта, Н.О. Лосского показывается влияние природной среды на формирование специфики трудовой психологии российского крестьянства.

Ключевые слова: *природно-климатические условия, национальный менталитет, национальный характер, трудовая психология, русское крестьянство.*

Основой развития цивилизаций является труд. Материальная культура любой цивилизации, ее производственно-экономическое развитие во многом обусловлены совокупным общественным трудом. Исторические формы труда и производства изменяются под влиянием объективных и субъективных причин. Последние самым тесным образом связаны с ценностной системой как отдельной личности, так и социума в целом. В свою очередь, ценностные ориентации прямо зависят от ландшафта, территории проживания народов, создающих ту или иную цивилизацию.

Природа, климатические и географические условия, в которых реализуется совокупный общественный труд и создается производственно-экономический потенциал, являются основополагающими объективными

факторами поступательной эволюции материальной основы культурно-цивилизационных комплексов. При этом различные географические и природно-климатические условия объективно накладывают своеобразный отпечаток на организацию социокультурных систем [2, с. 64–65]. В своей обыденной жизни, повседневном труде человек приспосабливается к окружающей его природной среде путем выработки навыков, привычек, определенных поведенческих стереотипов, которые фиксируются в эмоциональных реакциях и психологических установках, в совокупности детерминирующих особенностей национального характера и национальной ментальности. Наиболее отчетливо, как указывал Л.В. Милов, определяющее воздействие среды проявляется в духовной жизни и трудовой деятельности крестьянства [3, с. 76].

Российская цивилизация формировалась и развивалась в исключительно своеобразных и крайне неблагоприятных природно-климатических условиях. Основная территория, где исторически формировалась российская государственность, располагалась в нечерноземном регионе, а также в зоне выродившихся черноземов, охватывающей нижнее и среднее течение Оки. Для этого обширного восточноевропейского региона характерны в большинстве своем неплодородные и малоплодородные подзолистые почвы, содержащие в подпочве скудное количество естественных питательных веществ, что требовало достаточно глубокой вспашки; низкие среднегодовые температуры (5,5 °С ниже нуля), весьма короткий сельскохозяйственный сезон также никак нельзя назвать благоприятными факторами для становления цивилизации. Хозяйственная деятельность в таких условиях требовала большого количества рабочего времени. Однако в связи с коротким летом период, пригодный для посевных и уборочных работ, в центральной России был чрезвычайно небольшим: он начинался в конце апреля и завершался в середине сентября (по старому стилю), включал в себя примерно сто рабочих дней без учета времени, тратившегося на сенокос и молотьбу снопов [3, с. 77].

Короткий цикл сельскохозяйственных работ заставлял крестьянина быстро переключаться с относительно неспешных домашних забот зимней поры на полевые работы – сев, пахоту, уборку урожая, скорость проведения которых определяла уровень его достатка в ближайшем году (см. пословицу «земля – тарелка: что положишь, то и возьмешь»). Чрезвычайно краткий весенне-летний рабочий период, получивший в крестьянской среде наименование «страдная пора», «страда» (т. е. время страданий), требовал почти безотрывной круглосуточной ускоренной и тяжелой физической работы, что способствовало выработке и закреплению в крестьянской трудовой психологии таких качеств, как сила воли, быстрота в работе

(«расторопность», «проворность»), трудолюбие, способность к предельной концентрации моральных и физических сил, умение достойно и терпеливо переносить трудности [3, с. 78; 5, с. 603]. Без этих качеств вряд ли бы было возможны освоение новых территорий, строительство и обустройство могущественного государства на огромном евразийском пространстве.

Вместе с тем указанная климатическая особенность не способствовала выработке у крестьян привычки к систематическому ровному труду. На это первым обратил внимание известный русский историк В.О. Ключевский (1841–1911 гг.). Он писал, что отсутствие достаточного времени «для земледельческого труда» вынуждает русского крестьянина торопиться, напряженно трудиться, чтобы выполнить большой объем работ в короткое время, а осенью и зимой оставаться без дела. Таким образом, делал вывод В.О. Ключевский, сама природа приучала великорусского крестьянина к непомерной непродолжительной концентрации своих усилий и он привыкал трудиться «скоро, лихорадочно», а потом долго отдыхать в течение невольного осенне-зимнего «безделья». «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс: но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [1, с. 315].

Несклонность крестьян к систематическому, дисциплинированному труду продолжала воспроизводиться и в индустриальную эпоху. Публицист-народник А.Н. Энгельгардт (1832–1893 гг.), наблюдавший жизнь русской деревни во второй половине XIX в., писал, что в отличие от немца, ежедневно работающего равномерно в течение года, русский человек трудится «порывами». Это его органическое свойство, качество, сформировавшееся под воздействием климатических условий, которые заставляют провести сельскохозяйственные работы в крайне сжатый срок. «Под влиянием этих различных условий сложился и характер нашего рабочего, который не может работать аккуратно, как немец; но при случае, когда требуется, он может сделать неимоверную работу…» [6, с. 93].

В то же время не все отечественные мыслители связывали с климатом крестьянскую склонность к аритмичному труду. Русский философ-эмигрант Н.О. Лосский (1870–1965 гг.) отмечал, что умение достичь высшей интенсивности труда в короткий временной промежуток проистекает из привычек, связанных с климатом, но на основе «могучей силы воли», имеющейся у русского крестьянина вне связи с климатом. Отсутствие привычки к постоянному, размеренному, ровному труду выработана не климатом, а интересами русского народа, не зависящими от него. Русский человек, отмечал философ, стремится к «абсолютно совершенному царству бытия», он крайне чуток к любым недостаткам в своей и чужой

деятельности, поэтому довольно часто у него возникает охлаждение к начатому делу, его продолжению. Несмотря на ценность замысла, его неполнота и несовершенство не дают русскому человеку продолжать «отделку мелочей» [7, с. 89].

Суровость и своеобразие российской природно-климатической среды нередко обесценивали плоды трудовых усилий крестьян-земледельцев. Невзирая на ускоренную и тяжелую работу в весенне-летнюю страдную пору, русский крестьянин чаще всего не имел шанса получить хороший урожай. Практический опыт отечественного землепользования в XVI–XX вв. демонстрировал почти полное отсутствие сколько-нибудь значимой связи между степенью трудозатрат крестьянина и мерой собранного им урожая [3, с. 79]. С этой природной особенностью В.О. Ключевский связал такую черту крестьянской трудовой этики, как расчет на удачу, надежду на авось. Природа, писал историк, «часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» [1, с. 313]. Это в течение столетий создавало определенный скептицизм по отношению к собственным трудовым усилиям. Чувство обреченности, наряду с резкой сменой ритма труда в осенне-зимний период, формировало неторопливо-пассивное отношение к труду, не порождало стремления к высокому его качеству, что проявлялось в небрежности в работе, отсутствии пунктуальности и тщательности. Эти поведенческие особенности усиливались в условиях крепостнической системы, когда крестьяне в ситуации острого дефицита рабочего времени в летний сезон должны были трудиться на помещичьем поле и в барской усадьбе.

Природные особенности определили индивидуальный и коллективный характер труда русских крестьян. Удаленность деревень друг от друга и отсутствие связи между ними из-за плохих дорог не позволяли крестьянам действовать большими дружными массами. Крестьянин боролся с природой в одиночку. Поэтому, считал В.О. Ключевский, великоросс «лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к совместному действию» [1, с. 316]. С этим историк связывал такие черты трудовой этики, как осторожность, робость, необщительность («лучше сам с собой, чем на людях») [1, с. 316].

Между тем некоторые современные исследователи считают, что освоение лесных массивов, простирающихся на многие километры, трудоемкие работы, связанные с вырубкой и раскорчевкой деревьев,

вспашка новых земель требовали не индивидуального, а коллективного труда нескольких крестьянских семей. Работа в коллективе предполагала единообразные действия. Отдельные работники не стремились выделяться среди других, так как сплоченность коллектива в такой ситуации была предпочтительнее, чем степень эффективности труда его единичных членов. Это не способствовало закреплению в трудовой ментальности таких качеств, как самостоятельность, инициативность, предприимчивость, решительность и энергичность.

В заключение необходимо отметить, что некоторые традиционные особенности отечественной трудовой психологии не ушли в прошлое, они воспроизводятся в сознании современных россиян. На это указывает исследовательница современной российской ментальности А.В. Сергеева. В ходе взаимодействия с русскими, отмечает она, иностранных партнеров зачастую раздражает их необязательность, неточность в следовании инструкциям, приблизительность исполнения работы, когда она сделана кое-как, спустя рукава, со скрытыми недочетами, которые не бросаются в глаза сразу, а выявляются, как правило, впоследствии [4, с. 276]. Отвергая обвинения россиян в природной лени, которая осуждается в отечественной традиционной культуре («кто ленится, тот не ценится»), А.В. Сергеева подчеркивает, что «русские – энтузиасты, они способны «гореть» на работе. Если работа доставляет удовольствие, то они готовы работать и без денег, брать часть работы с собой домой на выходные или праздничные дни, получать маленькую зарплату и не менять место работы» [4, с. 277].

Библиографический список

1. Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. 428 с.
2. Марцева Л.М. Влияние природно-климатических условий на производственно-экономическое развитие России // Омский научный вестник. 2000. № 13 (декабрь). С. 64–67.
3. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 76–87.
4. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта; Наука, 2016. 320 с.
5. Синякина Е.Г. Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: материалы международной конф. по истории психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 593–604.
6. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 491 с.
7. Я русский!: хрестоматия русского национального характера / автор-сост. В.В. Аристархов. М.: Вече, 2010. 304 с.

INFLUENCE OF NATURAL AND CLIMATIC CONDITIONS ON THE LABOR PSYCHOLOGY OF THE RUSSIAN PEASANTRY

S.V. Lavrikov

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the influence of natural and climatic conditions on the national mentality. Features of natural conditions of the Russian civilization are considered. On the basis of the works of V.O. Klyuchevsky, L.V. Milov, A.N. Engelhardt, N.O. Lossky the influence of the natural environment on the formation of the specifics of the labor psychology of the Russian peasantry is shown.

Keywords: *natural and climatic conditions, national mentality, national character, labor psychology, Russian peasantry.*

Об авторе:

Лавриков Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 4564-4825. E-mail: lavrikov@list.ru

Author information:

Lavrikov Sergey Vyacheslavovich – PhD, Assoc. Proffessor of Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. SPIN-code: 4564-4825. E-mail: lavrikov@list.ru

УДК 159.9.072

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.И. Филиппченкова, А.И. Ковалева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Филиппченкова С.И., Ковалева А.И., 2019

Для эффективной учебной деятельности старшеклассникам необходимы стабильное психоэмоциональное состояние и умеренный уровень школьной тревожности, обусловленный направленностью на достижение успеха в учебной деятельности. В результате эмпирического исследования выявлено, что для большинства учеников старших классов характерен средний и умеренно высокий уровень тревожности в сочетании со средним уровнем направленности на достижение успеха и приобретение знаний.

Ключевые слова: *психоэмоциональное состояние, мотивационная сфера, старший школьный возраст.*

Современная образовательная система претерпевает значительные изменения, что прежде всего выражается в изменении субъекта, методов, способов и форм обучения. Предыдущие модели и технологии образовательного процесса становятся неэффективными, поэтому возникает потребность в модернизации, а часто и в создании новых подходов в образовании, организации теоретических и практических моделей, которые бы отвечали современным требованиям. Современное образование следует рассматривать через призму гуманитарной направленности. Одним из основных требований современного компетентностного подхода в школьном образовании является обеспечение стабилизации психоэмоционального состояния школьников, а также заинтересованности в обучении и создание ситуации успеха, так как именно данное сочетание позволяет построить наиболее эффективную учебную деятельность.

Психологическая служба в образовательной организации во многих странах служит для обеспечения развития личности каждого обучающегося с учетом имеющихся научно-психологических знаний. Помимо этого психологическая служба призвана обеспечить формирование и дальнейшее развитие потенциала личности (интеллектуального, творческого и т. д.), способностей и задатков. «Административное управление психологической службой в образовательной организации осуществляется непосредственно руководителем данной организации» [3, с. 122]. При этом педагог-психолог является полноправным членом педагогического коллектива: он участвует не только в педагогических консилиумах, советах, но и является участником родительских собраний и методических объединений.

Для эффективной учебной деятельности старшеклассникам необходимы стабильное психоэмоциональное состояние и умеренный уровень школьной тревожности, обусловленный направленностью на достижение успеха в учебной деятельности. Одними из важнейших направлений профессиональной деятельности школьного психолога являются диагностика и коррекция психоэмоционального состояния и мотивационной сферы учеников [5].

Тревожность – это склонность личности испытывать тревогу. Тревога, в свою очередь, является неопределенным эмоциональным состоянием, которое имеет негативный характер. В состоянии тревоги человек ожидает негативного, неблагоприятного исхода той или иной ситуации. При этом тревога отличается от страха тем, что последний имеет вполне определенный характер (в отличие от тревожности). Личностная тревожность предполагает наличие у человека склонности испытывать повышенную тревогу в таких ситуациях, в которых ее возникновение считается нормальным, однако у других людей она выражена не настолько сильно. Эта тревожность связана с самой личностью, характером, темпераментом, генами; оказывает влияние абсолютно на все сферы жизни человека, что

влияет на ее качество. Возможно изменение мотивации, самооценки, общения с людьми и пр. Ситуативная тревожность проявляется в тех ситуациях, которые являются стрессовыми только для конкретного человека [4]. В остальное же время он может чувствовать себя вполне нормально и при этом не испытывать каких-либо неудобств.

Мотивация учебной деятельности является частным случаем мотивации и представляет собой активность обучающихся, направленную на достижение учебных целей [1; 2]. Классификация видов мотивации зависит от различных факторов (направленность (внутренняя или внешняя); стремление к достижению успеха или избеганию неудач; степень развития целеполагания и личностного смысла; характер (положительная или отрицательная мотивация) и т. д.). Виды мотивов также индивидуальны для каждого ученика (различают учебный, позиционный, игровой, оценочный, внешний мотивы). Однако наиболее оптимальным сочетанием для успешной учебной деятельности считается комбинация внутренней мотивации с ориентацией на достижение успеха и развитым учебным мотивом.

Мотивацию учебной деятельности следует рассматривать более подробно в каждом возрастном периоде. Ведь мотивация, присущая ученикам начальной школы и средней школы, значительно отличается от мотивации учеников старших классов. Для последних ведущую роль в учебной деятельности играют социальные интересы (в частности, профессиональная самоидентификация). В связи с этим подростки проявляют большой интерес в области, которая, по их мнению, повлияет на профессиональное самоопределение (не только в рамках уроков). При этом стоит отметить, что по завершении подросткового периода формирование мотивации деятельности не прекращается, но лишь видоизменяется.

Нами проведено эмпирическое исследование уровня тревожности и особенностей мотивации учебной деятельности старших школьников. В исследовании приняли участие ученики 9–10 классов МОУ «Бельская СОШ» в количестве 40 чел. (20 юношей и 20 девушек) в возрасте 15–16 лет. Психодиагностический инструментарий исследования составили методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; методика диагностики тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина; методика «Направленность на приобретение знаний» Е.П. Ильина и Н.А. Курдюкова; методика «Направленность на отметку» Е.П. Ильина и Н.А. Курдюкова.

Для данной выборки характерен, согласно полученным результатам, большой уровень мотивации учебной деятельности, который является совокупностью высокого развития личностного смысла учения и способности к целеполаганию.

Следует также отметить, что ориентация на достижение успеха и на избегание неудач находится в среднем диапазоне, что является самым оптимальным сочетанием для мотивации учебной деятельности (такие же показатели характерны для направленности на приобретение знаний и получение отметки).

Если говорить об уровне тревожности старших школьников, то можно заметить, что большинству обучающихся присущи средний уровень личностной тревожности и высокий уровень ситуационной тревожности, что негативно сказывается на успешности учебной деятельности и провоцирует мотивацию избегания неудач при нивелировании мотивации к достижению успеха.

Внешние и внутренние мотивы выражены примерно в равной степени (72 %); присутствует как стремление к успеху, так и избегание неудач в учебной деятельности (75 %). Учебные мотивы реализуются в поведении довольно редко (53 %).

Однако если сравнить крайние показатели, то можно заметить, что преобладают внутренняя мотивация и ориентация на достижение успеха.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в целом обучающиеся имеют средний уровень мотивации учебной деятельности с ориентацией на достижение успеха и средний уровень тревожности. Но все же возможно проведение коррекционной работы с респондентами, имеющими общий низкий уровень мотивации учебной деятельности и нацеленными на избегание неудач, высокий уровень личностной тревожности, а также получение отметки как более близкой цели деятельности и реализующими в этой деятельности оценочные, игровые и внешние мотивы.

Прежде всего стоит отметить, что факторами высокой мотивации учебной деятельности являются развитые общепедагогические, методические, общепсихологические и индивидуально-психологические показатели. Соответственно, необходимым условием развития мотивации учебной деятельности является повышение уровня научно-теоретической, методической и психолого-педагогической подготовки учителей. В связи с этим следует создать условия развития как индивидуальной, так и групповой поисковой работы, использовать активные творческие способы взаимодействия, которые бы вызывали заинтересованность обучающихся. Одним из основных способов повышения мотивации также служит проектная деятельность учащихся. Важную роль в организации учебного процесса играет учет психофизиологических особенностей.

Библиографический список

1. Гордеева Т.О. Мотивы учебной деятельности учащихся средних и старших классов современной массовой школы // Психология обучения. 2010. № 6. С. 17–32.
2. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 1983. 12 с.

3. Потапова А.В. Психологическая служба. М.: МОСУ, 2008. 122 с.
4. Практическая психодиагностика: методики и тесты / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. М.: Бахрах-М, 2011.
5. Якиманская И.С. Технология личностно-ориентированного образования. М.: Педагогика, 2013. 23 с.

PSYCHOLOGICAL STATUS AND MOTIVATIONAL SPHERE OF MODERN SENIORS: EXPERIENCE OF RESEARCH

S.I. Filippchenkova, A.I. Kovaleva

Tver State Technical University, Tver

For effective learning activities, high school students need a stable psycho-emotional state and a moderate level of school anxiety, due to the focus on achieving success in learning activities. An empirical study revealed that most high school students are characterized by an average and moderately high level of anxiety, combined with an average level of focus on achieving success and acquiring knowledge.

Keywords: *psycho-emotional state, motivational sphere, senior school age.*

Об авторах:

Филиппченкова Светлана Игоревна – доктор психологических наук профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Ковалева Алена Игоревна – магистрант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Authors information:

Filippchenkova Svetlana Igorevna – PhD (Psychology), Professor of Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Kovaleva Alena Igorevna – Master Student of Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: sfilippchenkova@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 61–68

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 330.1

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИЙ: СУТЬ И ПРОБЛЕМЫ

А.А. Артемьев*, П.А. Кохно, И.А. Лепехин***

* ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь
** ФГУП «ВНИИ “ЦЕНТР”», г. Москва

© Артемьев А.А., Кохно П.А., Лепехин И.А., 2019

Определены сущность коммерциализации инноваций и инновационного процесса, цели, этапы и результаты коммерциализации инновационной деятельности. Предложены инструменты оценки конкурентоспособности инновации, а также управления инновационным развитием предприятий. Выявлены проблемы коммерциализации инновационной деятельности и обоснована необходимость формирования системы управления коммерциализацией инновационной деятельности.

Ключевые слова: *инновации, коммерциализация, инновационная деятельность, этапы коммерциализации инноваций, инструменты оценки конкурентоспособности инновации, управление коммерциализацией инноваций, проблемы коммерциализации инновационной деятельности.*

Коммерциализация инноваций (на Западе существует термин «коммерциализация науки и технологий») – это часть инновационного процесса, в ходе которого научный результат или технологическая разработка реализуются для получения коммерческого эффекта [1; 2].

Необходимо отметить, что инновации представляют собой нововведения, достижения передовой науки и техники, имеющие уникальные, оригинальные результаты и подлежащие защите.

Продвижение и реализация инновационных продуктов осуществляется на рынке инноваций. Необходимо напомнить, что рынок инноваций – это совокупность социально-экономических отношений, складывающихся в процессе производства и реализации инновационных продуктов [2; 4].

Объекты рыночных отношений на рынке инноваций – результаты инновационной деятельности, которыми могут являться новые идеи и усовершенствованные продукты, новые или усовершенствованные технологические процессы, новые формы организации и управления различными сферами экономики и ее структурами [3; 6].

Результаты инновационной деятельности выражаются в виде инновационной продукции, которая может иметь конкретную вещественную форму или существовать в неовеществленной форме (например, «ноу-хау») и получена на стадиях фундаментальных и прикладных исследований, их производственной адаптации и реализации [1; 4].

В то же время товаром на рынке инноваций служит инновационный продукт, который реализуется в виде патента, опытных образцов, производственного опыта, технологических процессов и т. п. Специфика рынка инноваций состоит в том, что в процессе инновационного обмена практически сложно выделить в чистом виде объект коммерциализации [2; 3].

Субъектами-участниками процесса коммерциализации инновационной деятельности на рынке инноваций являются разработчики и покупатели инноваций [1; 2].

Суть коммерциализации инноваций состоит в получении дохода от их использования либо в своем производстве, либо от их продажи на рынке [2; 6].

В идеале заинтересованный заказчик или потребитель платит за НИОКР или лицензию на технологию, а в научную сферу и разработчикам приходит столь нужное финансирование. Однако эта идиллия «наука – технология – деньги», как и продвижение инновационного проекта от одной стадии к другой, требуют обеспечения обязательной обратной связи между промежуточными результатами НИОКР и рынком, потому что деньги в рыночных условиях возможно получить только в том случае, если инновация способна усилить чье-то конкурентное преимущество, принести или увеличить прибыль заинтересованному субъекту [1; 2].

Успешное развитие инновационного процесса (в том числе коммерциализация инноваций) требует многоступенчатого принятия решений и многообразия связей.

Предлагаем следующий алгоритм действий при разработке мероприятий по коммерциализации инноваций:

первый этап – формулировка главной цели разработки мероприятий;

второй – постановка основных задач, которые должны быть решены для достижения цели;

третий – выявление перечня основных факторов, влияющих на процесс коммерциализации инноваций;

четвертый – анализ результатов систематизации и подготовка данных для формирования «дерева мероприятий»;

пятый – анализ составленной матрицы взаимодействующих факторов и определение их приоритетности;

шестой – получение экспертных оценок уровня взаимодействующих факторов между собой на основе метода попарных сравнений;

седьмой – разработка целенаправленных мероприятий, учитывающих приоритетность факторов и их взаимодействия;

восьмой – определение очередности осуществления мероприятий, сроков исполнения и ответственных исполнителей;

девятый – обоснование ресурсов для обеспечения качественного и своевременного осуществления мероприятий.

Сегодня процесс коммерциализации инновационной деятельности следует рассматривать практически на всех этапах инновационного процесса, включая осуществление поиска, экспертизы, отбор инноваций, распределение и закрепление юридических прав их собственников, дальнейшую модернизацию и сопровождение процесса внедрения и эксплуатации инновационного продукта.

Для обоснованного отбора инновации заинтересованным лицом конкурентоспособной инновации предлагаем алгоритм (табл. 1).

Таблица 1

Этапы и инструменты оценки конкурентоспособности инновации

Последовательность этапов	Инструмент
1. Характеристика и анализ технического уровня инновации	Стоимостной анализ по регрессионным моделям при оценке инноваций; модель инновационного маркетинга; использование многоугольника технического уровня; методики построения интегральных показателей, учитывающих динамику изменений различных составляющих технического уровня, а также изменение уровня их значимости
2. Анализ величины совокупных затрат в течение всего жизненного цикла инновации (или цепочки затрат)	Структурно-логический управленческий подход; модель инновационного маркетинга; определение уровня конкурентоспособности инновационной промышленной продукции по экономическим параметрам, который определяется как отношение совокупных затрат за весь жизненный цикл инновационной промышленной продукции и конкурирующего образца
3. Выявление и исследование конкурентных преимуществ при продвижении на рынок инновационных продуктов (как с позиции разработчиков, так и с позиции производителей)	SWOT-анализ; модель инновационного маркетинга; структурно-логический управленческий подход
4. Определение (вычленение) ключевых факторов успеха	Структурно-логический управленческий подход; стоимостной анализ по регрессионным моделям при оценке инноваций; модель инновационного маркетинга; в процессе проведения SWOT-анализа определяют ключевые факторы успеха промышленного предприятия (эти факторы целесообразно определять для следующих функциональных областей финансово-хозяйственной деятельности промышленных предприятий: технология, сбыт продукции, маркетинг, квалификация производственного персонала предприятия, организация управления и прочее)

С позиций практического использования либо разрабатывается методика определения интегрального показателя, отражающего динамику изменений отдельных составляющих технического уровня и их значимость, либо применяется графический метод – построение многоугольника технического уровня. При характеристике и анализе технического уровня инновационных промышленных продуктов применение сгенерированных интегральных показателей, учитывающих динамику изменений различных составляющих технического уровня, а также изменение уровня их значимости, на практике зачастую оказывается затруднительным вследствие возможности изменения со временем значимости составляющих технического уровня, что вызовет необходимость переработать методику расчета интегрального показателя.

Применение многоугольника технического уровня создает возможность объединения количественных и качественных характеристик, формирующих технический уровень инновационной промышленной продукции, в единственный интегральный безразмерный критерий. Указанная проблема коммерциализации не возникает, поскольку методикой не фиксируется жестко значимость отдельных составляющих технического уровня, определяемая экспертами. В практическом плане представляется целесообразным использовать представленный ниже порядок определения и анализа цепочки совокупных затрат в течение жизненного цикла инновационной промышленной продукции.

Показатель конкурентоспособности инновации основывается на расчете соотношения совокупных затрат в течение жизненного цикла исследуемой инновации (инновационной продукции) и конкурирующего образца. Установление степени конкурентоспособности инновации по отношению к конкурирующему образцу рассчитывается как отношение общих затрат на конкурирующий образец к суммарным затратам на инновацию в течение всего жизненного цикла. При этом общие затраты на конкурирующий образец (как и новый инновационный образец) определяются как сумма величины единовременных затрат по конкурирующему образцу и величины средних суммарных текущих затрат, приведенных к одному году службы конкурирующего образца, умноженной на срок его службы.

Для того чтобы оценить конкурентные преимущества (производителей и/или разработчиков) при продвижении инновации на рынок, целесообразно использовать SWOT-анализ, при котором выполняется оценка как внутренней, так и внешней среды предприятия. В процессе его проведения определяют ключевые факторы успеха предприятия. Эти факторы целесообразно устанавливать для ряда функциональных областей финансово-хозяйственной деятельности предприятий: технологии, сбыта продукции, маркетинга, квалификации производственного персонала

предприятия, организации управления и пр. Именно на них целесообразно обращать особое внимание, планируя деятельность предприятия, так как они способствуют генерированию успеха (или провала) организации на рынке, его конкурентных преимуществ и возможностей, оказывающих непосредственное воздействие на прибыльность и эффективность конкретного предприятия.

В предложенном алгоритме определения уровня конкурентоспособности инновации используются экономические инструменты управления инновационным развитием, что позволяет, в свою очередь, комплексно применять регрессионный анализ при оценке инноваций, модель инновационного маркетинга, учитывающую специфику инноваций и рынка инноваций, преимущества структурно-логического управленческого подхода. В табл. 2 отражены основные направления получения положительного экономического эффекта от применения соответствующих экономических инструментов.

Таблица 2

Эффект от применения инструментов управления инновационным развитием предприятий

Предложенный экономический инструмент управления инновационным развитием предприятий	Направления возникновения положительного экономического эффекта
Структурно-логический управленческий подход	Реализация логико-структурного подхода к управлению инновационным развитием промышленных предприятий позволяет: четко формулировать цели и содержание управленческого процесса; объективно выявлять ключевые проблемы и ключевые факторы успеха; формировать системы количественных и качественных показателей целей финансово-хозяйственной деятельности предприятия; четко и однозначно разграничивать ответственности всех руководителей и исполнителей; сместить акценты в процессе управления от поиска ответственных за нарушение планов к обоснованию наиболее реалистичного курса дальнейшей работы промышленного предприятия
Регрессионный анализ при оценке инноваций	Оптимизация соотношения стоимости параметров инновационной продукции и затрат на обеспечение возможности продукции эти параметры реализовывать; оптимизация затрат на производство инновационной продукции
Модель инновационного маркетинга	Обеспечение стабильного объема продаж, стабильного роста рыночной доли

Таким образом, анализ матрицы взаимодействия факторов позволяет проранжировать факторы и выявить наиболее значимые из них. Это дает возможность предприятию сфокусировать усилия на преодолении трудностей при коммерциализации инноваций.

Необходимо отметить, что процесс коммерциализации инновационной деятельности на современном рынке инноваций содержит сложно разрешимые противоречия. С одной стороны, очевидно, что выбрать в качестве главной цели инновационной деятельности коммерциализацию инноваций абсурдно, поскольку речь должна идти о концепции долгосрочного развития, с другой – проводимые научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, направленные на долгосрочное инновационное развитие, существенно влияют на снижение прибыли в результате увеличения производственных издержек, связанных с активной инновационной деятельностью.

Коммерциализацию не следует считать главной среди краткосрочных перспектив. Нередки случаи, когда коммерциализация инновационного продукта на первых стадиях продвижения такового на рынок характеризуется как отсутствием прибыли, так и временными убытками. В этой связи необходимо учитывать, что процесс коммерциализации инноваций должен предполагать отличие получаемой текущей прибыли от прибыли в перспективе.

Стратегия нацеливания инновационной деятельности на снижение маркетинговых издержек и увеличение текущих доходов не способствует повышению заинтересованности организаций во внедрении инноваций. Продвижение инноваций на рынок, представляющее собой процесс их коммерциализации, нередко проблематично.

Исследования показывают, что к числу значимых проблем коммерциализации инновационной деятельности на современном рынке инноваций, кроме перечисленных, можно отнести:

недостаточную развитость и низкий уровень использования потенциальных возможностей национального рынка инноваций (огромное число предлагаемых инновационных продуктов, проектов, решений могло бы способствовать обеспечению высокой маржи в результате внедрения инноваций в производство);

отсутствие четко выраженных направлений и индикаторов выбора перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок;

правовые проблемы, поскольку законодательная база на федеральном, региональном, муниципальном, хозяйственном уровнях нередко отличается противоречивыми правовыми установками (прежде всего в характеристиках юридического статуса различных видов инноваций (интеллектуальной продукции));

отсутствие научно обоснованной методологической и методической базы (нет в том числе эффективных эконометрических методов) для проведения оценок степени (уровня) коммерциализуемости инновационных продуктов (инновационных решений);

недостаточную развитость инфраструктуры, обеспечивающей эффективную коммерциализацию инноваций и всей инновационной деятельности в целом на принципах сотрудничества, взаимодействия и коллаборации. В настоящее время получили развитие лишь отдельные элементы инновационной деятельности по налаживанию связей, заключению соответствующих соглашений, выдаче патентов на изобретения;

относительно низкую стоимость инновационной продукции (инновационных решений, интеллектуальной собственности), что приводит к их скупке у отдельных групп разработчиков, отдельных ученых и т. п.

низкий удельный вес разработок, которые реально доводятся до процесса освоения, внедрения, серийного производства и др.

Все это приводит к значительному снижению темпов и объемов внедряемых инноваций, что требует разработки научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию управления инновационными процессами на принципах коммерциализации.

Библиографический список

1. Катешова М., Квашнин А. Как продвигать проекты коммерциализации технологий [Электронный ресурс] // Серия методических материалов «Практическое руководство для центров коммерциализации технологий», 2006. Режим доступа: http://www.sci-innov.ru/comtech/materials/?page=3 (дата обращения: 25.10.2019).
2. Коваженков М.А., Бганцева Я.В. Инновационная стратегия управления коммерциализацией интеллектуальной собственности вуза // Креативная экономика. 2009. Т. 3. № 11. С. 21–28.
3. Козловская Э.А., Родионова Ю.В. Сценарный подход к управлению процессом коммерциализации инноваций [Электронный ресурс] // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2014. № 4 (199). Режим доступа: https://megalektsii.ru/s159065t5.html (дата обращения: 11.10.2019).
4. Ляшин А. Стратегии коммерциализации инноваций – мост между инноватором и бизнесом [Электронный ресурс] // Экономика и жизнь. 2011. № 36 (9402). Режим доступа: http://www.eg-online.ru/ (дата обращения: 27.10.2019).
5. Кохно П.А., Артемьев А.А., Енин Ю.И. Технологические платформы кластерного развития: монография / отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. Тверь: ТвГУ, 2019. 286 с.
6. Кохно П.А., Артемьев А.А. Экономика опережающей промышленности: монография / отв. ред. д.э.н., проф. П.А. Кохно. Тверь: Центр научных и образовательных технологий, 2016. 343 с.

COMMERCIALIZATION OF INNOVATION: THE BOTTOM LINE

A.A. Artemyev*, P.A. Kokhno, I.A. Lépehin***

*Tver State Technical University, Tver
** All-Russian Research Institute CENTR, Moscow

The article defines the essence of commercialization of innovation and innovation process, goals, stages and results of commercialization of innovation activity, proposes tools for evaluation of innovation competitiveness, as well as tools for management of innovative development of enterprises, identifies problems of commercialization of innovation activity and justifies the need to form a system of management of commercialization of innovation activity.

Keywords: *innovation, commercialization, innovation activity, stages of commercialization of innovation, tools of evaluation of competitiveness innovation management of commercialization of innovation, problems of commercialization of innovation activity.*

Об авторах:

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Кохно Павел Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, профессор аспирантуры ФГУП «ВНИИ «ЦЕНТР», г. Москва. E-mail: pavelkohno@mail.ru

Лепехин Илья Александрович – кандидат юридических наук доцент ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: ilja-lepehin@yandex.ru

Authors information:

Artemyev Alexey Anatolyevich – PhD (Economical Science), Prof., the Vice Rector for Scientific and Innovative Activity, Tver State Technical University, Tver. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Kokhno Pavel Anatolyevich – PhD (Economical Science), Prof., Prof. of Aspirantury of All-Russian Research Institute CENTR, Moscow. E-mail: pavelkohno@mail.ru

Lépehin Ilya Alexandrovitch – PhD (Law Sciences), Assoc. Prof., Tver State Technical University, Tver. E-mail: ilja-lepehin@yandex.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 69–74

УДК 338.24

ЗЕМЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОСОБЕННЫЙ ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

О.С. Лазарева, О.Е. Лазарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь

© Лазарева О.С., Лазарев О.Е., 2019

Рассматриваются следующие вопросы: функциональность управленческой деятельности в отношении региональных земельных ресурсов; восприятие государственными органами власти земельных ресурсов как сугубо экономического объекта управления; значение полноты и объективности информации о земельных участках в едином государственном реестре недвижимости и рационального использования земельных ресурсов в социально-экономической жизни региона.

Ключевые слова: *региональные земельные ресурсы, управление, информация, экономический объект, рациональное использование*.

Развитие современного общества характеризуется быстрым ростом применения различного рода технологий, увеличением объемов регулирования и управления в разных сферах экономической деятельности государства [5, с. 220]. Экономика страны представляет собой сложную многоуровневую систему, состоящую из множества взаимосвязанных элементов. Это обусловливает разнообразие объектов управления, что порождает разные средства управления системой.

Региональная экономическая система – неотъемлемая часть общегосударственной системы, поэтому ей присущи те же методы и средства управления с учетом уровня экономического развития региона. Для обеспечения эффективного функционирования экономической системы региона необходимы осуществление управленческой деятельности в отдельных ее элементах, управление системой в целом. Система управления земельными ресурсами является неотъемлемой частью региональной экономической системы.

Реализация концепции устойчивого развития национальной экономики опирается на стабильное развитие региональных экономических систем, что подразумевает организацию грамотного, результативного управления региональными земельными ресурсами как важного экономического объекта управления.

Управленческая деятельность в отношении земельных ресурсов подразумевает под собой процесс воздействия на объект управления для достижения определенных целей, в частности устойчивости функционирования системы управления земельными ресурсами региона, стабильного долгосрочного развития во всех экономических сферах и на

разных административных уровнях взаимодействия государства и общества, удовлетворения потребностей.

Управленческая деятельность в отношении земельных ресурсов прежде всего связана с получением и обработкой актуальной полной (разносторонней) и достоверной информации о состоянии земельного фонда и динамике его развития [2, с. 35]. Кроме того, данные о состоянии и использовании земель являются ядром для разработки обоснованного научно управляющего воздействия, соответствующего поставленным целям и базирующегося на принципах принятия решений. Для обработки, интерпретации и хранения сведений о земельных ресурсах применяются информационные системы. Впрочем, следует отметить, что функциональные возможности этих систем не дают в полной мере осуществить пространственный анализ имеющейся информации из-за отсутствия возможности визуализации ее на карте. Поскольку в настоящее время технологии геоинформатики задействованы практически во всех сферах функцио-нирования общества [1, с. 239], то применение геоинформационных систем в сфере управления земельными ресурсами было бы наиболее рационально и эффективно.

Схема технологии управления земельными ресурсами представлена на рисунке.

Технологическая схема управления земельными ресурсами как экономическим объектом

Для получения положительного эффекта управления следует проанализировать полную актуальную и достоверную информацию о земельных ресурсах; осуществить разработку управляющего воздействия с

учетом целей и правил принятия управленческих решений; выдать и реализовать управляющие рекомендации и предписания управляемому экономическому объекту (земельным ресурсам); осуществлять контроль на всех стадиях, т. е. от разработки до реализации управленческого воздействия. Следуя представленной технологической схеме, можно достичь поставленных управленческих целей.

Однако нельзя позиционировать земельные ресурсы только как экономический объект управления. Земельные ресурсы в классическом научном понимании представляют собой природный ресурс и источник жизни, а также служат базисом размещения всех отраслей хозяйственной деятельности человека. Кроме того, земля является основным средством производства продукции в сельском и лесном хозяйстве (это обусловлено ее главным свойством – плодородием). Основные характеристики земельных ресурсов определяются их территориальной величиной и качеством, а также разнообразием природных условий их размещения. На качество земель оказывают непосредственное влияние климат, рельеф местности, почвенный покров и другие природные и антропогенные факторы.

Основная (общая) цель управления земельными ресурсами состоит в наиболее эффективном использовании земельных ресурсов в интересах всех социальных слоев и групп общества. В роли частной (внутренней) цели выступает обеспечение эффективного функционирования органов управления земельными ресурсами и иных объектов недвижимости, неразрывно связанных с землей, т. е. органов региональной исполнительной власти [4, с. 123]. При этом сама система управления земельными ресурсами не менее сложна и состоит из составных частей, управление которыми происходит посредством функциональных действий:

учета и регистрации недвижимости,

землеустройств,

мониторинга земель,

государственного земельного надзора и муниципального контроля.

Главным объектом управления в указанной системе являются земельные ресурсы, представленные в виде земельного фонда на разных уровнях по субъектному составу управления (федеральном, региональном и муниципальном).

Земельный фонд, согласно определению из энциклопедического словаря географических терминов [7], представляет собой совокупность всех земель определенной территории, государства, всей планеты, которые можно разделить по типу хозяйственного использования и правовому режиму [6]. Однако ограничиваться этим определением было бы неправильно, поскольку трактовка земельного фонда как объекта управления весьма широка и многогранна.

Структурной единицей земельного фонда в системе управления земельными ресурсами является чаще всего земельный участок или его часть. Земельный участок, согласно общепринятому определению, представляет собой обособленную часть земной поверхности, фиксированную площадь и правовой статус. Обособленность в данном случае следует понимать как фиксацию поворотных точек границы земельного участка в виде плоских прямоугольных координат X и У в документах и электронной базе данных единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) [3, с. 36].

В системе ЕГРН представлены основные характеристики земельного участка:

кадастровый номер,
площадь,
координаты поворотных точек границ,
кадастровая стоимость,
сведения о категории земель,
сведения о разрешенном использовании,
сведения о правовом статусе,
сведения о собственнике, владельце и т. д.

Сведения о земельном участке, а именно: качественное состояние земель, растительный и почвенный покров, агроклиматические условия, эколого-эпидемиологическое состояние и другие сведения, к сожалению, отсутствуют в реестре. Исходя из этого, можно сделать вывод, что имеющаяся информация о земельных участках и земельном фонде относится к экономико-правовой сфере хозяйственной деятельности государства, соответственно, обозначенные объекты необходимо позиционировать как экономико-правовые категории управления. Совершенно забывают о том, что земельные ресурсы – это **относительно (частично) воспроизводимые** природные ресурсы. Поэтому сведения о земле требуют комплексного подхода как к составу, так и к анализу данных. Но необходимо отметить, что в настоящее время в ЕГРН и иных информационных базах описание земель сельскохозяйственного назначения, которые нужны для обеспечения производства сельскохозяйственной продукции и размещения сельхозпредприятий, весьма скудно, носит выборочный, локальный характер и не позволяет получить полное представление об объекте управления и, как следствие, принимать взвешенные управленческие решения. Для того чтобы можно было выполнить качественную комплексную оценку земли как ценнейшего природного ресурса, следует более подробно и тщательно производить описание земель, опираясь на широкий спектр параметров, характеризующих земельные ресурсы как сложный, комплексный объект управления. Такая оценка в свою очередь помогла бы

выполнять точные прогнозы и повысить степень рациональности использования земельных ресурсов.

Исходя из практики, государство активно развивает систему учета и регистрации недвижимости, т. е. ЕГРН, и частично осуществляет государственный земельный надзор и муниципальный контроль. При этом оно практически бездействует в области землеустройства и мониторинга земель, ограничиваясь формальным подходом (фиксацией разрозненных данных).

В данный момент земля воспринимается как объект получения различных выгод как государством, так и простым гражданином страны. Однако нельзя забывать о функциональной значимости земли, земельных ресурсов в разных сферах жизнедеятельности человека.

К основным функциям земельных ресурсов относят:

ресурсную и экологическую (земля – природный ресурс, относящийся к исчерпаемой группе и условно возобновляемой подгруппе);

социальную (земля как место проживания / размещения человека и общества);

пространственно-политическую (земля как территория государства);

экономическую (земля как объект хозяйствования).

Таким образом, управление земельными ресурсами – это сложно организованная система, охватывающая широкий спектр общественных отношений. Поэтому при организации управления этой системой следует опираться на совместное воздействие государства и общества. В связи с этим разработка долгосрочного плана по рациональному использованию земель является одной из основных задач общего стратегического планирования устойчивого экономического развития регионов и страны в целом [4, с. 125].

Одним из определяющих условий стабильного политического, социального и экономического развития нашей страны являются создание и практическая реализация целостной системы [2, с. 5], частью которой выступает система управления земельными ресурсами. Государственное управление земельными ресурсами должно иметь комплексный подход в управлении и опираться на комплексный объект управления. Воспринимать земельные ресурсы только как экономический объект управления неправильно; это может привести к негативным последствиям.

Библиографический список

1. Артемьев А.А., Лазарева О.С. Применение геоинформационных систем в современных условиях: основные достоинства и перспективы развития // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: География и геоэкология. 2016. № 2. С. 231–239.
2. Гагаринова Н.В., Сидоренко М.В. Управление земельными ресурсами: учеб. пособие. 2-е изд. Краснодар: КубГАУ, 2017. 160 с.

3. Лазарева О.С. Геоинформационные технологии в управлении земельными ресурсами региона // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2014. № 6 (114). С. 35–39.
4. Лазарева О.С., Лазарев О.Е. Организация и структура управления земельными ресурсами региона // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 2. С. 123–128.
5. Лазарева О.С. Оценка эффективности управления земельными ресурсами региона // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2019. № 2 (46). С. 220–227.
6. Земельный фонд [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rus-geo-enc.slovaronline.com/11656-земельный%20фонд (дата обращения: 10.10.2019).
7. Калесник, С.В. Энциклопедический словарь географических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1968. 440 с.

REGIONAL LAND RESOURCES AS AN ECONOMIC OBJECT OF MANAGEMENT

O.S. Lazareva, O.E. Lazarev

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the following issues: the functionality of management activities in relation to regional land resources; the perception of state authorities of land resources as a purely economic object of management; the importance of completeness and objectivity of information about land in the unified state register of real estate and rational use of land resources in the socio-economic life of the region.

Keywords: *regional land resources, management, information, economic object, rational use*

Об авторах:

Лазарева Оксана Сергеевна – старший преподаватель кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Лазарев Олег Евгеньевич – зав. лабораторией кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: Lazarev_TVGU@mail.ru

Authors information:

Lazareva Oksana Sergeevna – Senior Lecturer of Dept. of Geodesy and Cadaster, Tver State Technical University, Tver. E-mail: Lazos_tvgu@mail.rue-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Lazarev Oleg Evgenyevich – Head of the Laboratory of Dept. of Geodesy and Cadaster, Tver State Technical University, Tver. E-mail: Lazarev_TVGU@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 75–80

УДК 338.2

УПРАВЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ НЕДВИЖИМОСТЬЮ: ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА БЕСХОЗЯЙНЫМ

О.С. Лазарева, Е.А. Зайцева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь

© Лазарева О.С., Зайцева Е.А., 2019

В статье рассматриваются актуальные проблемы, относящиеся к выявлению и признанию недвижимого имущества бесхозяйным. Проанализированы признаки бесхозяйных объектов недвижимости и дана их характеристика. Описан механизм выявления незарегистрированных объектов недвижимости. Рекомендован порядок выявления бесхозяйных объектов недвижимости. Подчеркивается, что для выявления бесхозяйного имущества нужна целостная система методов и способов его определения.

Ключевые слова: *бесхозяйное имущество, собственность, недвижимое имущество, порядок выявления, вещь, бесхозяйная недвижимость.*

Современные тенденции развития муниципалитетов направлены на эффективное использование имеющегося недвижимого имущества. Это имущество играет важную роль в современном обществе, является важным источником дохода. Большая часть недвижимости находится в государственной собственности (федеральной, региональной и муниципальной) [7, с. 264]. Но, несмотря на это, существует достаточно много заброшенных зданий, сооружений и земель, которые могли бы приносить пользу. Причины заброшенности или бесхозяйности этих объектов могут быть совершенно различными: экономическими, общественно-политическими, юридическими и т. д. Основной же причиной данного явления можно считать недоразграничение собственности на землю, на которой в том числе расположены объекты капитального строения. Процедура разграничения происходила в 1990-х гг., но была осуществлена «по минимуму». Появлению бесхозяйного имущества также способствовали такие процессы, как банкротство и реорганизация колхозов, совхозов и промышленных предприятий. Еще одним препятствием для приобретения бесхозяйной недвижимости в собственность является нехватка денежных средств у потенциальных владельцев (например, у муниципальных образований), которые необходимы для проведения межевания, а также восстановления объекта до надлежащего состояния. Процесс перераспределения и разграничения объектов недвижимости по формам собственности до сих пор весьма актуален и не завершен.

Эффективное использование недвижимости должно являться приоритетным направлением в развитии муниципального образования в частности и в политике государства в целом. Эффективным оно будет в том

случае, если бесхозяйное имущество будет приобретаться в собственность и иметь правообладателя. Приобретение бесхозяйного имущества в собственность (государственную, муниципальную или частную) позволит, во-первых, обеспечить соответствующее функциональное использование объектов; во-вторых, вовлечь их в хозяйственный оборот, в-третьих, пополнить доходные части бюджета [5, с. 44]. Поэтому в настоящее время к выявлению бесхозяйных объектов недвижимости проявляется интерес как государственных, так и частных лиц. В этих условиях возникают проблемы выявления и признания недвижимого имущества бесхозяйным. Данные проблемы весьма сложны из-за наличия следующих вопросов: «по каким признакам и характеристикам можно признать имущество бесхозяйным?», «каков его порядок выявления?». Характеристика процесса выявления бесхозяйного имущества не может сводиться исключительно к исследованию отдельных способов приобретения в собственность бесхозяйного имущества. Рассмотрение способов и оснований выявления бесхозяйного имущества необходимо производить комплексно, системно, охватывать сам процесс в целом [3, с. 32].

Признаки бесхозяйного имущества можно выявить из определения бесхозяйной вещи, данного в ст. 225 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Признаки бесхозяйной вещи:

1) вещь, которая не имеет собственника;

2) вещь, собственник которой не известен;

3) вещь, от права собственности на которую собственник отказался.

Первый и второй признаки бесхозяйного имущества имеют достаточно спорный характер. Поскольку отсутствие собственника не может определенно указывать на бесхозяйность такого имущества в том понятии, которое следует из закона. Так, в некоторых источниках можно встретить высказывание, что после смерти наследодателя, не имеющего наследников ни по закону, ни по завещанию, до истечения шестимесячного срока принадлежащее ему при жизни имущество не имеет собственника [4, с. 231].

Следует поговорить об имуществе, от права собственности на которое собственник отказался по тем или иным причинам, как о другой составной части законодательного определения бесхозяйного имущества. Чаще всего это добровольный отказ от земельного участка собственника или землевладельца (землепользователя). Такому объекту присваивается статус бесхозяйного имущества. Порядок прекращения прав на него определяется гражданским законодательством. Отказ от права собственности, согласно ст. 263 Гражданского кодекса РФ, не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственности на него другим лицом [1].

Еще одним затруднением является то, что не существует определенного порядка выявления бесхозяйного имущества, утвержденного на законодательном уровне. Если рассматривать муниципальный уровень власти, то решение вопросов существования бесхозяйного имущества явление не новое. Оно берет свое начало с середины 1990-х гг. На муниципальном уровне прослеживается тенденция самостоятельно определять порядок выявления такого имущества. Территория каждого муниципального образования располагает бесхозяйными объектами недвижимости. Приоритетным направлением политики муниципалитетов в части распоряжения имуществом является выявление таких объектов для дальнейшего оформления их в муниципальную собственность. Каждое муниципальное образование имеет свои нормативно-правовые акты, регламентирующие процесс определения бесхозяйных объектов недвижимости. Существует ряд примеров, где порядок выявления бесхозяйного имущества предусматривает создание комиссии по бесхозяйному имуществу. Определены функции таких комиссий, которые состоят в следующем:

проводить обследование бесхозяйных вещей;

собирать доказательства, подтверждающие невозможность установления собственника бесхозяйного имущества, в случае, если собственники бесхозяйных вещей неизвестны;

собирать доказательства, подтверждающие отсутствие собственников в случае, когда бесхозяйное имущество не имеет собственников;

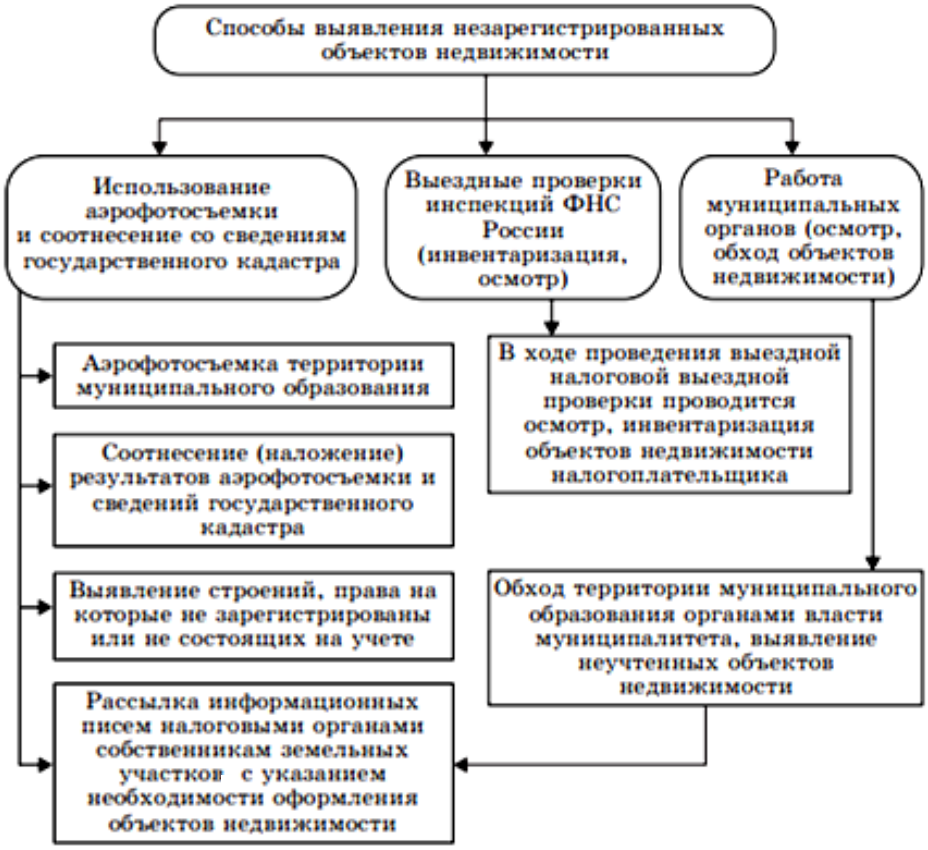
составлять смету затрат на оформление права муниципальной собственности на бесхозяйное имущество;

готовить заключения о целесообразности (нецелесообразности) оформления права муниципальной собственности на бесхозяйные с предложениями об использовании данного имущества и принятии мер по его сохранности [2].

Данный порядок можно считать удачным решением проблемы выявления бесхозяйного имущества. На рисунке представлены три способа выявления бесхозяйного имущества, предложенные О.В. Батуриной, Е.С. Хорошавиной [6, с. 4].

Определенные представленными способами бесхозяйные объекты в обязательном порядке ставятся на государственный кадастровый учет. Для этого в орган регистрации прав органом местного самоуправления подается соответствующее заявление. Бесхозяйные недвижимые вещи принимаются на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, по заявлению органа местного самоуправления, на территории которого они находятся. По истечении года со дня постановки бесхозяйной недвижимой вещи на учет орган, уполномоченный управлять муниципальным имуществом, может обратиться в суд с требованием о

признании права муниципальной собственности на эту вещь [1], т. е. право муниципальной собственности на бесхозяйный объект недвижимости возникает в судебном порядке.



Механизм выявления незарегистрированных объектов недвижимости

Таким образом, для выявления бесхозяйного имущества нужна единая целостная система методов и способов его определения, т. е. следует разработать универсальный механизм и систему мероприятий, дающую возможность учитывать особенности муниципалитетов, на территории которых размещены бесхозяйные объекты, закрепить ее нормативно-правовыми актами, а также установить роль муниципалитета в определении прав на бесхозяйную недвижимость.

По результатам анализа проблем, возникающих при признании недвижимого имущества бесхозяйным, можно сделать вывод, что их решение является приоритетным направлением в муниципальном управлении объектами недвижимости, поскольку выявление и дальнейшее приобретение бесхозяйного имущества в собственность при рациональном его использовании являются источниками дополнительных финансовых поступлений в муниципальный бюджет. Одним из вариантов решения проблем приобретения бесхозяйного имущества в собственность является безвозмездность его оформления для муниципальных образований, так как

часто именно нехватка средств у муниципального бюджета мешает приобретению такого имущества в собственность. Вопрос состоит только в том, готовы ли федеральные власти предоставить эту привилегию муниципалитетам.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая, вторая, третья и четвертая [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 07.10.2019).
2. Решение Енисейского городского Совета депутатов Красноярского края от 31.08.2016 № 11-113 «Об утверждении Положения о порядке управления и распоряжения муниципальным имуществом города Енисейска» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/44129928/0e8e691f0e429771e69d99941780b1c7/#friends/ (дата обращения: 08.10.2019).
3. Сальникова О.Н. Система способов выявления бесхозяйного имущества органами муниципалитета: анализ проблемы // Вектор ГеоНаук. 2018. Т. 1. № 4. С. 32–35.
4. Костенко А.А. Бесхозяйность имущества в связи с отсутствием собственника, отказом собственника, неизвестностью собственника // Молодой ученый. 2017. № 25. С. 230–233.
5. Сальникова О.Н. Актуализация проблемы процесса признания недвижимого имущества бесхозяйным // Вектор ГеоНаук. 2019. Т. 2. № 1. С. 44–46.
6. Батурина О.В., Хорошавина Е.С. Взаимодействие местных органов власти и налоговых органов при выявлении бесхозяйных и сокрытых от учета объектов недвижимости // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).2
7. Лазарева О.С., Лазарев О.Е. Земельная политика как фактор экономического роста региона // Теоретические, экспериментальные и прикладные исследования молодых ученых Тверского государственного технического университета: сборник научных трудов. Тверь: ТвГТУ, 2017. С. 264–268.

MANAGEMENT OF MUNICIPAL REAL ESTATE: THE PROBLEM OF RECOGNISING REAL PROPERTY VACANT

O.S. Lazareva, E.A. Zaitseva

Tver State Technical University, Tver

The article deals with actual problems related to the identification and recognition of real estate ownerless. Signs of ownerless real estate objects are analyzed and their characteristic is given. The mechanism of detection of unregistered real estate objects is considered. The procedure for identifying ownerless real estate objects is also recommended. It is emphasized that in order to identify ownerless property, an integral system of methods and methods of its determination is needed.

Keywords: *ownerless property, property, real estate, procedure of identification, thing, ownerless property.*

Об авторах:

Лазарева Оксана Сергеевна – старший преподаватель кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Зайцева Елизавета Алексеевна – студентка инженерно-строительного факультета направления «Землеустройство и кадастры» ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: zaitzeva98@yandex.ru

Authors information:

Lazareva Oksana Sergeevna – Senior Lecturer of the Dept. of geodesy and cadaster of Tver State Technical University, Tver, E-mail: Lazos_tvgu@mail.rue-mail: lazos_tvgu@mail.ru

Zaytzeva Elizaveta Alekseevna – Student of the Dept. of geodesy and cadaster of Tver State Technical University, Tver, E-mail: zaitzeva98@yandex.ru

УДК 378.14: 37.072

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО ТЕХНОСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ С УЧЕТОМ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Н.М. Пузырев, В.В. Лебедев, Н.Б. Барбашинова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Пузырев Н.М., Лебедев В.В., Барбашинова Н.Б., 2019

Рассматриваются проблемы подготовки специалистов по промышленной безопасности с учетом требований введенных профессиональных стандартов по охране труда, а также действующих и вводимых в ближайшей перспективе образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлению «Техносферная безопасность». Показаны некоторые противоречия между типами профессиональных задач, вводимых образовательными стандартами, и видами профессиональной деятельности, содержащимися в профессиональных стандартах. Сформулированы предложения по их устранению.

Ключевые слова: *образовательный стандарт, образовательная программа, профессиональный стандарт, промышленная безопасность, охрана труда.*

Обеспечение производственной безопасности во всех отраслях экономики является актуальной задачей, роль которой постоянно возрастает с развитием техники и технологии промышленного производства. В связи с этим возрастает роль кадрового обеспечения предприятий и организаций специалистами по техносферной, промышленной безопасности и по охране труда.

С 1 июля 2016 г. вступила в силу новая редакция ч. 7 ст. 11 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которой федеральные государственные образовательные стандарты профессионального образования (ФГОС ПО) должны формироваться на основе профессиональных стандартов (ПС) (при наличии) в части требований к профессиональной компетенции. Профессиональные стандарты представляют собой совокупность требований к квалификации работников сходных групп профессий, объединенных общей целью по видам профессиональной деятельности (например, по обеспечению промышленной безопасности, охраны труда, пожарной безопасности).

К настоящему времени приказом Министерства труда и социальной политики Российской Федерации принят и введен в действие ряд ПС, для которых подготовка специалистов уровней «бакалавр» и «магистр» должна осуществляться по направлениям подготовки бакалавров 20.03.01 Техносферная безопасность и магистров 20.04.01 Техносферная безопасность. Это такие ПС, как «Специалист в области охраны труда» (вид профессиональной деятельности – планирование, организация, контроль и совершенствование управления охраной труда), «Специалист по обеспечению промышленной безопасности при эксплуатации оборудования, работающего под избыточным давлением, и/или подъемных сооружений» (вид профессиональной деятельности – обеспечение требований промышленной безопасности в организации), «Специалист по противопожарной профилактике» (вид профессиональной деятельности – противопожарная профилактика в промышленности, строительстве и на транспорте) [1]. Этот перечень далеко не полностью отражает виды профессиональной деятельности, относящиеся к обеспечению безопасности и охраны труда во всех отраслях промышленного производства. Поэтому он будет расширяться и дополняться, так как система ПС до настоящего времени находится в стадии становления и развития.

ФГОСы высшего профессионального образования, в том числе по направлению «Техносферная безопасность», должны быть приведены в соответствие с ПС. Перед вузами, занимающимися подготовкой специалистов по промышленной безопасности (по направлению «Техносферная безопасность» всех уровней – бакалавриата, магистратуры, аспирантуры), как и перед всем сообществом высшего профессионального образования, стоит задача актуализации ФГОС ПО [2] и перехода на обучение по ним с 2019 г.

В системе высшего образования основными регулятивными документами являются федеральный государственный образовательный стандарт и основная образовательная программа. При этом идет процесс существенного усиления связи между ПС и образовательным стандартом (рисунок).

Сфера труда	*Сфера профессионального образования*
Логика сферы труда: что должен делать работник; как это он должен делать; насколько качественно он должен это делать	**Логика сферы образования:** чему должен научиться студент; как он освоит и научится делать; как будут оцениваться содержание и качество обучения
Язык сферы труда: 1. Профессиональный стандарт. 2. Обобщенные трудовые функции. 3. Выполняемые трудовые действия. 4. Требования к специальным знаниям, умениям, способностям к выполнению трудовых действий. 5. Требования к квалификации	**Язык сферы образования:** 1. Образовательный стандарт. 2. Образовательная программа. 3. Учебный план. 4. Рабочие программы дисциплин. 5. Система контроля усвоения знаний, умений, навыков

Взаимосвязь ПС и образовательного стандарта

Основная профессиональная образовательная программа высшего образования должна обеспечивать овладение выпускником фундаментальными основами профессиональной деятельности, что позволит ему работать в широком диапазоне задач, включая инновационные и межотраслевые, а также продолжать образование через программы дополнительного профессионального образования на протяжении всей практической деятельности работника. Применительно к промышленной безопасности и охране труда и рассмотрим возникающие проблемы.

Существенным отличием проекта ФГОС3++ по направлению «Техносферная безопасность» от прежней редакции образовательного стандарта является «обеспечение беспрепятственной, непрерывной актуализации профессиональных компетенций выпускников с учетом непрерывных изменений требований рынка труда к квалификации работников, в том числе через институт профессиональных стандартов» [2, с. 6]. Необходимо устанавливать соответствие между типами профессиональных задач, вводимых ФГОС ВО, и видами профессиональной деятельности, прописанными в ПС. Кроме того, необходимо учитывать квалификационный уровень, установленный для обобщенных трудовых функций в рамках ПС.

Сформировать во ФГОС ВО все требования ПС к профессиональным компетенциям выпускников направления «Техносферная безопасность» практически невозможно. Эти требования могут быть учтены только в части отдельных типов профессиональных задач или обобщенных трудовых функций, содержащихся в профессиональных стандартах. Например, в ПС «Специалист в области охраны труда» предусмотрены:

а) *обобщенная* трудовая функция «внедрение и обеспечение функционирования системы управления охраной труда» *с трудовыми функциями*:

нормативное обеспечение системы управления охраной труда, в которой содержится пять трудовых действий;

обеспечение подготовки работников в области охраны труда, в которой также содержится пять трудовых действий;

сбор, обработка и передача информации по вопросам условий и охраны труда (пять трудовых действий);

обеспечение снижения уровней профессиональных рисков с учетом условий труда (четыре трудовых действия);

б) *обобщенная* трудовая функция «Мониторинг функционирования системы управления охраной труда» *с трудовыми функциями*:

обеспечение контроля за соблюдением требований охраны труда;

обеспечение контроля за состоянием условий труда на рабочих местах;

обеспечение расследования и учета несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

в) *обобщенная* трудовая функция «Планирование, разработка и совершенствование системы управления охраной труда» с трудовыми функциями:

определение целей и задач (политики), процессов управления охраной труда и оценка эффективности системы управления охраной труда;

распределение полномочий, ответственности, обязанностей по вопросам охраны труда и обоснование ресурсного обеспечения.

При этом для каждой трудовой функции сформулированы: трудовые действия – от 2 до 8; необходимые умения – от 2 до 8; необходимые знания – от 2 до 8. Обучить выпускника вуза такому количеству всего вышеперечисленного практически невозможно.

Национальная рамка профессиональных квалификационных групп общеотраслевых должностей руководителей, специалистов и служащих [3; 4] устанавливает девять квалификационных уровней, из которых уровни с шестого по девятый соответствуют уровню высшего образования: шестой уровень – бакалавриат, седьмой уровень и в отдельных случаях восьмой – магистратура и специалитет, восьмой-девятый уровни – аспирантура. Например, в ПС «Специалист в области охраны труда» обобщенная трудовая функция «Внедрение и обеспечение функционирования системы управления охраной труда» соответствует шестому уровню квалификации, т. е. бакалавру, а трудовая функция «Планирование, разработка и совершенствование системы управления» соответствует седьмому уровню, т. е. квалификации магистра. Специалитета по направлению «Техносферная безопасность» не предусмотрено, поэтому образовательная программа магистратуры должна предполагать подготовку не только научных и педагогических кадров, что не в полной мере отражает потребности рынка труда в аспекте введения в практику профессиональных стандартов, но и

содержать практическую направленность выпускников, соответствующую требованиям ПС.

Предстоящая деятельность Минтруда РФ и Минобрнауки РФ должна установить более тесную связь рынка труда в области промышленной безопасности, охраны труда с системой образования, но вместе с тем сохранить высшее образование по направлению «Техносферная безопасность» как механизм продвижения и развития профессиональных квалификаций, меняющих рынок труда. При этом необходимо образовательный стандарт и образовательную программу тесно согласовывать с ПС. Но дело в том, что ПС и ФГОСы ВО ориентированы на разные временные периоды: выпуск специалистов, обучавшихся по ФГОСам ВО, произойдет только через 4–8 лет (5 лет заочного бакалавриата + 2,5 года заочной магистратуры). Поэтому чрезвычайно трудно предугадать (предусмотреть) потребности рынка труда через 5–10 лет в столь быстро меняющихся условиях развития науки, техники и технологии.

Учитывая вышесказанное, предлагается вести образовательную политику в следующих направлениях:

основная профессиональная образовательная программа высшего образования по подготовке бакалавров направления «Техносферная безопасность» должна обеспечивать овладение выпускниками фундаментальными основами профессиональной деятельности, что позволит им работать в широком диапазоне задач, включая инновационные и межотраслевые;

подготовка специалистов для выполнения трудовых функций, сформулированных (и быстро изменяющихся в соответствии с рынком труда) в профессиональных стандартах, осуществлять ее через систему переподготовки по программам, отвечающим потребностям отраслей экономики, на протяжении всей практической жизни работника;

введение в практику предприятий, организаций при найме сотрудников проверки профессиональных знаний перед приемом на работу и их переподготовки, если это необходимо.

Библиографический список

1. Программно-аппаратный комплекс «Профессиональные стандарты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www/promstandart.rosmintrud.ru (дата обращения: 06.05.2019).
2. Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации / С.А. Пилипенко [и др.] // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 5–14.
3. Профессиональные квалификационные группы общеотраслевых должностей руководителей, специалистов и служащих: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 29.05.2008 № 247н.

4. Национальная рамка квалификаций Российской Федерации / В.И. Блинов [и др.] М.: ФГУ «ФИРО»; Центр начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, 2010. 7 с.

ACTUAL TASKS OF PREPARATION OF BACHELORS AND MASTERS IN TECHNOSPHERIC SECURITY, TAKING INTO ACCOUNT THE REQUIREMENTS OF PROFESSIONAL STANDARDS

N.M. Puzyrev, V.V. Lebedev, N.B. Barbashinova

Tver State Technical University, Tver

The issues of training specialists in industrial safety for all sectors of the economy are considered. The analysis of the main problems that arose during the introduction of professional standards and Federal state educational standards of the third generation.

Keywords: *educational standard, educational program, professional standard, industrial safety, labor protection.*

Об авторах:

Пузырев Николай Михайлович – кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности и экологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: puzyrevfdpo@rambler.ru

Лебедев Валерий Валентинович – кандидат технических наук, доцент, зав. кафедрой безопасности жизнедеятельности и экологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: bge_kafedra@mail.ru

Барбашинова Наталья Борисовна – доцент заместитель директора института заочного и дополнительного профессионального образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: bge_kafedra@mail.ru

Authors information:

Puzyrev Nikolai Mikhailovich – PhD (Technical Sciences), Assoc. Prof., Prof. of Dept. Life Safety and Ecology, Tver State Technical University, Tver. E-mail: puzyrevfdpo@rambler.ru

Lebedev Valery Valentinovich – PhD (Technical Sciences), Assoc. Prof., Head of Dept. of Life Safety and Ecology, Tver State Technical University, Tver. E-mail: bge_kafedra@mail.ru

Barbashinova Natalia Borisovna – Assoc. Prof., Deputy Director of Institute of Correspondence and Continuing Professional Education, Tver State Technical University, Tver. E-mail: bge_kafedra@mail.ru

Правила представления статей для публикации в журнале

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать результаты исследований, ранее не публиковавшиеся. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь полный библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек. Публикация более двух статей одного автора (в том числе и в соавторстве) в одном номере не осуществляется.

Не допускается дословное цитирование без кавычек из чужих источников и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – TimesNewRoman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа, далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится, далее пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); для расстановки переносов использовать команду автоматического переноса; ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники представляются в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, к.ф.н., доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, д.псх.н., доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, к.ф.н., доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Буланов Владимир Владимирович – д.ф.н., доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – д.псх.н., профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рубцова Надежда Евгеньевна – д.псх.н., доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – д.э.н., профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Розов Дмитрий Викторович – д.э.н., профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Беденко Надежда Николаевна – д.э.н., заведующая кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Казак Тамара Владимировна – д.псх.н., профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Белоруссия, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – д.ф.н., заведующая кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственный техничский университет».
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия Эл № ФС77-74959 от 25 января 2019 года.
Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
ISSN 2687-0010
Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, каб. 425А
Телефон редакции: (4822) 784190 доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru